

Рин Дилли

12+

Уосэ Камуи

Часть I

Рин Дилин

Уосэ Камуи. Часть I

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42720520

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-09378-2

Аннотация

Люди, боги, домовые и ёкаи – всё смешалось в этой маленькой деревне, расположенной на краю заповедника. Знала ли Настя, что случайно разбив бамбуковый сосуд, станет связанной закланием с древним злым божеством Уосэ Камуи и навлечёт беду на свою не совсем обычную семью? Пусть она и могла видеть потусторонних существ, но кроме этого никакими другими силами, в отличие от своей бабушки и младшей сестрёнки, не обладала. Как же Насте разорвать заклание, наложенное взбалмошной богиней на древнем капище, и вернуть древнему богу память, который оказался не таким уж и злым?..

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1	11
ГЛАВА 2	34
ГЛАВА 3	67
Конец ознакомительного фрагмента.	85

ПРОЛОГ

Настя шла, стараясь пройти узкой тропинкой ближе к заборам и кустам, чтобы дольше оставаться в пока ещё прохладной тени. Невысокая миловидная девушка легко перепрыгивала кочки и ямки, оставленные в земле коровьими копытами. Длинные каштановые волосы были убраны в хвост и спускались до самого низа поясницы. Простого кроя сиреневый сарафанчик совершенно не подходил к зелёным глазам, и может даже был не особо модным, но выгодно подчёркивал фигуру и выглядел освежающе.

Легко шагая, обходя раскидистые кусты, она направлялась к одноэтажному кирпичному старому зданию, которое покосилось на один бок и остро нуждалось в ремонте. В нём располагалось почтовое отделение этой маленькой деревеньки. Пожалуй, после небольшого магазинчика, это была вторая и последняя достопримечательность этого местечка.

Если, конечно, не считать заповедника, который раскинулся на склонах трёх гор, обступивших поселение со всех сторон. Лес как бы стекал со склонов вниз и стремился поглотить маленькие домики, но неожиданно замер возле преградившей путь узкой озорной речушки. Он, словно бы склонился над ней и, залюбовавшись на своё отражение, остановился.

Настя вошла внутрь этого ветхого здания со скрипучими

полами и большими окнами с облупившейся краской. Внутри царил полумрак, пахло сургучом, газетами и бумажной пылью. За коричневой потертой конторкой сидела полная женщина лет пятидесяти пяти и обмахивалась сложенной газетой, как веером. Рядом натужно вращал лопастями маленький вентилятор, но сил его хватало только на то, чтобы не сильно шевелить потоком воздуха короткие крашенные тёмные кудри на её голове. Женщина, склонившись, что-то читала лежащее перед собой, глядя через сползшие на самый кончик носа очки в тёмной узкой оправе.

– Здравствуйте.– Настя протянула маленький бумажный листок,– Нам извещение вот пришло. На нём указана только фамилия,– быстро добавила она,–могу ли я получить отправление?

Дама отвлеклась от своего занятия и посмотрела на девушку долгим взглядом поверх очков, как будто просвечивала её с головы до пят.

– Сейчас посмотрю.– наконец сказала она, взяла листок, медленно встала, сняла очки и вышла в дверь, которая располагалась у неё за спиной и вела куда-то вглубь этого старого грустного здания. Минуты через две она вернулась с небольшой посылкой, обёрнутой в коричневую бумагу. Положив её перед собой на стол и снова нацепив на нос очки, начала деловито изучать написанное на ней.

«Чтобы было вечером, о чём со своими кумушками поговорить.» – подумала Настя.

Население деревни было не многочисленное и посылки приходили не каждый день, поэтому надпись наверняка уже изучена ею до дыр.

– Хм... – нарочито громко хмыкнула дама и поправила очки.

– Наверное, это от папы... – робко произнесла Настя.

– Хм! Да нет, она из Японии. – сказала женщина и впилась в девушку поверх очков взглядом голодного коршуна, ожидая объяснений.

– А он как раз должен был уехать в Японию. В командировку, – неожиданно даже для себя соврала девушка.

Просто от этого колючего взгляда и фальшивой улыбки её пробирав такой сильный озноб, что хотелось поскорее выскочить обратно под горячее солнце, только бы подальше отсюда.

– А-а-а-а... – разочарованно протянула дама, – Тогда на, держи.

Настя взяла посылку и еле сдержалась, чтобы бегом не выскочить вон. Стараясь сдерживать шаг, она спокойно вышла и, отойдя от здания подальше, смогла, наконец, перевести дух, успокоиться и рассмотреть адрес отправителя.

Так-так, и правда, из Японии. И, конечно же, не от отца. С чего бы? После смерти мамы он сразу уехал, оставив двух дочерей на попечение бабушки, маминой мамы. И Настя не винила его за это. Возможно, ему тяжело было жить в месте, где всё напоминало о трагически погибшей жене.

Но Настя не могла простить того, что покинув деревню, он покинул и их с сестрой. Даже нет. Не так. Она не могла простить, что потерявшая в столь юном возрасте мать Василиса не помнила не только её, но и его, потому как за всё это время он ни разу не приехал к ним, лишь изредка «откупаясь» небольшими денежными переводами и скудными посылочками. Видимо, когда совесть просыпалась и напоминала об отцовском долге.

Ивантеевка – маленькая деревня. И как в любой другой маленькой деревушке, в ней тяжело жить «безотцовщиной». Люди сплетничают и шепчутся за спиной, бросают косые ядовитые взгляды. Но то, о чём взрослые разговаривают на кухне шепотком, их дети потом кричат прямо в лицо:

«Брошенки! Безотцовщина! Ведьмины высерыши!»

Насте было всё равно. Она-то понимала, что это говорится не от великого ума. Но вот Василиса... Она пока ещё маленькая, осенью только семь лет исполнится, не понимала этого и воспринимала эти гадкие и обидные слова близко к сердцу, почти до слёз. А деревенским мальчишкам только того и надо, заметят что зацепило и начинают галдеть одно и то же: «Брошенка – брошенка!».

Тогда-то Настя и придумала писать письма и посылать посылки от отцовского имени. Будто бы он устроился геологом-разведчиком и постоянно колесит по командировкам по всей стране, поэтому и приехать никак не получается. Отправляла их из ближайшего городка. Благо, что там в одном

из почтовых отделений работала одна добрая и хорошая женщина. Она-то и подсказала девушке, как сделать так, чтобы посылка сначала уходила в любой город страны, а потом со всеми штемпелями и печатями возвращалась на адрес в Ивантеевку.

Получалось правдоподобно. Внутри таких отправлений Настя клала не хитрые сладости и небольшие сувениры – девушка подрабатывала, и у неё водились небольшие деньги. И обязательно письмо. Для Васёны. От него. Что отец знает и гордится успехами своей маленькой дочурки, что очень любит и хотел бы приехать, но не может, потому что геологическая разведка – это важное и нужное дело.

Бабушка сразу поняла, чьих это рук дело, почерк-то в письмах совсем не зятя. Но старшей внучке мешать не стала, лишь нахмурила брови и недовольно покачала головой, мол, не дело это, рано или поздно обман раскроется. Но Насте было всё равно. Потому что от этих посылок и писем Василиса вся лучилась, пусть там и лежали самые дешёвые конфеты. Много ли ребёнку надо для счастья?

Злые деревенские языки замолкли, ребята стали принимать Васю в свою компанию, и девочка перестала походить на маленького затравленного зверька и не пыталась больше отомстить «этим поганым мальчишкам, чтоб им пусто было». А она, в отличие от Насти, могла. И ещё как. Сестре передался мамин дар ведовства, но пока ещё она не умела его полностью контролировать. В моменты сильного гнева

Василиса могла такого учудить, хоть стой – хоть падай!

К примеру, однажды, ещё до Настиной идеи с посылками, деревенские мальчишки особо сильно принялись дразнить Василису, а один даже удумал бросить в неё камнем, который больно рассёк девочке лоб до крови. Возмездие не заставило себя ждать. Глаза Василисы вспыхнули ведовским огнём и, не успел он и руку опустить после броска, как всё его лицо покрылось красными волдырями. Они росли на глазах, лопались и из них прорастали серые поганки.

Нет, ну подумайте только! Надо же было такое удумать – поганки на лицо посадить! В тайне, глубоко в душе, Настя даже гордилась сестрёнкой: без трав и заклинаний – раз! – и вместо лица полянка с поганками. А ведь у неё даже ещё духа-помощника не было, что же будет, когда Василиса повзрослеет?

Мальчишка, конечно же, в рёв, и бегом домой. А остальные врассыпную кто куда, лишь бы подальше от взбешённой малолетней ведуньи. Родители как увидели своё чадо, сначала в обморок упали, а потом схватили в охапку и потащили по больницам и докторам, но те только руками разводили, мол, неизвестный науке феномен. Долго бы так они ещё своего безмозглого «феномена» по больничкам бы таскали, если бы умные люди не подсказали на поклон к бабушке Насте и Василисы идти.

Она хоть и не такая сильная, какой их мама была, но тоже многое могла и умела. И все деревенские об это знали.

Как у кого со скотиной какая-нибудь хворь случалась, сразу к бабушке Пелагее идут. А к кому ещё? За ветеринаром на конный завод бежать? Но тот пьёт так безбожно, что дирекция завода и сама частенько за помощью к Пелагее Фёдоровне обращается, всё-то быстрее, чем этого пьяницу в чувство пытаться привести.

Бабушка за мальчишку взялась только после того, как тот у Василисы прощения попросил и пообещал, что больше не будет девочку дразнить и обижать. Но, конечно же, надолго его после излечения не хватило. Только хитрее стал действовать, исподтишка.

Вот тогда-то Насте и пришла в голову идея с посылками. Ведь не равен час, её младшая сестрёнка всем в деревне на носы мухоморы да поганки рассадит, чаще, чем в грибную пору на полянке. Задумка сработала, деревенские успокоились и Василиса больше не испытывала таких сильных эмоциональных всплесков. Так что, получается, от этой Настиной лжи все были в плюсе.

И эта посылка из Японии пришла как раз кстати. В летнее время заказов на то, чтобы сшить что-то для школы или детского сада почти не было, поэтому денег на очередное отправление «от папы» у неё не хватало.

Ещё раз, повертев коробку в руках, девушка отправилась домой.

ГЛАВА 1

Дом встретил Настю тишиной и прохладой. Небольшой двухэтажный рубленый домик хоть и выглядел скромно, но ничуть не уступал соседям. Пусть его и не покрывала яркая крыша и стены не щеголяли пёстрой модной отделкой, но Насте думалось, что ничто не затмит теплоту и уюта бревенчатых стен и резных наличников.

Она каждый раз любовалась им, когда возвращалась домой. Зимой дом накрывался снежной шапкой, и мирно дремал, пуская ровный дым из трубы и изредка сонно поглядывая на щебечущих птах, порхающих между ярких ветвей юной красавицы рябины, росшей возле двора. А летом он походил на лежащего в зелени кота, жмурящегося от озорных солнечных зайчиков, прыгающих по нему и заглядывающих в окна.

Девушка прошла через веранду сразу в кухню, поставила на стол свою увесистую ношу. В доме было тихо, кроме неё не было ни души, лишь в глубине комнат громко тикали старинные часы.

Бабушка часто отлучалась по делам, поэтому хозяйство, по большей части, лежало на плечах Насти. А Василиса, верно, опять уваялась куда-то с деревенской ребятнёй. Началась летняя пора и теперь их по домам нипочём не разогнать. Пусть резвится, пока маленькая. Осенью она пойдёт в школу

и закончится эта дикая босоногая пора.

Настя снова посмотрела на посылку, борясь с желанием открыть её. Но любопытство уже вовсю снедало девушку

«В конце концов, указана только фамилия получателя...»

Снова покрутив посылку в руках и не обнаружив никаких запрещающих надписей типа «Секретно», или «Не лезь – убьёт» и, успокоив этим фактом совесть, девушка разорвала коричневую бумагу и открыла коробку.

Внутри оказались аккуратно уложенные всевозможные красивые коробочки и свёртки. С каким-то детским восторгом и замиранием сердца Настя доставала их по одной и открывала. Рассмотрев содержимое, ставила рядом с коробкой на стол и открывала следующую коробочку.

Восхитительные и диковинные ароматные восточные сладости скрывались в каждой из них. Вот огромный цветок, то ли действительно засахаренная хризантема, то ли настолько мастерски изготовленная сладость, очень верно повторяющая хрупкую нежность лепестков настоящего цветка. А вот в этой деревянной коробочке скрывается прудик с зелёными листьями кувшинок и маленькой золотой рыбкой, плывущей под прозрачной гладью.

Девушка осторожно наклонила коробочку, но «вода» не вылилась из неё. Приблизив диковину к лицу, понюхала – желе. И как только такая изумительно тонкая работа умудрилась доехать в целостности и сохранности?

Под всеми этими коробочками Настя обнаружила старый

бамбуковый сосуд и лист бумаги, испещрённый иероглифами. Она достала их из коробки. Сосуд был средних размеров, и верхняя часть наглухо запечатана чем-то похожим на сургуч или смолу. По одной стороне, во всю длину была вырезана надпись так же состоящая из японских символов.

Каким-то внутренним чутьём Настя поняла, что из всего содержимого коробки самой важной и ценной вещью был именно этот сосуд. Она почти кожей чувствовала исходящую от него древнюю и сильную ауру. Что же это такое могло быть?..

– Настя! – крик за спиной прозвучал так неожиданно, что девушка вздрогнула всем телом от испуга, выронила сосуд из рук и резко обернулась. Он гулко ударился о дощатый пол и закатился под стул.

В распахнутом проёме кухни стояла Алёнка, её подруга. Запыхавшаяся, с трудом переводящая дух, она с трудом произнесла:

– Настя! Твоя бабушка велела принести травяной сбор с полынью! – Алёнка выглядела очень взволнованной. Её рыжие волосы выбились из косы, белоснежная кожа выглядела ещё более бледной, отчего крупные веснушки на носу и щеках стали ещё заметнее, а фиалковые глаза смотрели на Настю с тревогой.

Значит, бабушка опять кого-то лечила, раз прислала Алёнку за травами. То-то Кота нигде не было видно. Там что-то серьёзное, а значит, нельзя было медлить ни секунды.

Зачем-то подхватив с пола бамбуковый сосуд, сорвав со стены нужный травяной пучок, Настя выбежала вслед за подругой. Девушки пустились бегом по пустым деревенским улочкам.

– Что случилось? – спросила Настя подругу, стараясь не отставать от неё.

Алёна резко остановилась так, что Настя чуть не врезалась в неё на полном ходу. Алёна задыхалась, её плечи дрожали, но это было скорее от волнения, чем от бега.

– Что случилось?.. – тихо повторила Настя и тронула её за плечо. Алёна повернулась, и в её глазах застыли слёзы:

– Вчера ночью наша Зорька родила телёнка... – начала она и нос предательски захлюпал, – А сегодня с утра... с ней стало твориться что-то странное... Она как будто взбесилась... – тут девушка не выдержала и разревелась. – Настя! Если твоя бабушка не поможет, Зорьку отправят на бойню-у-у-у! А я не хочу-у-у... Я же и... и... её телёнком молоком выпивала-а-а-а!

Настя обняла подругу и начала успокаивающе гладить по спине:

– Ну-ну... Успокойся. Бабушка поможет, обязательно поможет! – но от этого слёзный поток Алёны только усилился.

Тогда Настя отстранила подругу от себя и слегка встряхнула её за плечи:

– Ну-ка! Соберись! – строгим голосом сказала она, – Сейчас нужно действовать, рыдать будем потом!

Алёна от неожиданности захлопала широко распахнутыми глазами, шмыгнула носом и спешно закивала головой:

– Да-да, ты права! – она махнула в сторону скотного выгона – Давай туда, так быстрее будет!

Они нырнули в узкую улочку, истоптанную коровьими копытами, проскользнули через калитку на задний двор Алёнкиного семейного хозяйства и остановились возле приземистого скотника.

– Побудь здесь, пожалуйста. Бабушке лучше не мешать, когда она занята лечением. – жестом остановила Настя подругу.

– Эм-м-м... Ну, хорошо. – пробормотала Алёна, которая и не особо-то стремилась войти внутрь, слишком страшно было то, что она видела там с утра.

Настя приоткрыла дверь и проскользнула внутрь. В коровнике царил полумрак. И ей пришлось прищуриться, чтобы разглядеть хоть что-то, пока ещё глаза не привыкли после яркого солнечного света.

– Бабушка? – не громко позвала она, и тут же чуть не вскрикнула от ужаса.

Посреди коровника стояла рыжая Зорька с налитыми кровью глазами. Всю её морду, шею и спину покрывали тёмно-красные, почти чёрные, пульсирующие полипы, которые венчали маленькие белые глазные яблоки с горящими алым светом зрачками. Сотни этих адских глаз уставились на Настю, корова взревела и, угрожающе выставив вперёд рога,

бросилась на девушку.

– А? Что? Что это такое?! – вскрикнула оторопевшая девушка, но в следующую секунду от сильного толчка в бок отлетела в сторону к стене. Упала, больно ударившись головой, выронила сосуд с травяным пучком из рук.

Бабушка! Это бабушка оттолкнула в сторону свою остолбеневшую внучку. И через мгновение разъярённое животное со всего размаху врезалось рогами в дверь сарая, точно в то место, где только что стояла Настя. Раздался треск ломающихся досок, щепки посыпались в разные стороны.

Корова громко захрапела, сделала шаг назад и мотнула головой в бок, стараясь поднять на рога Пелагею Фёдоровну, которая стояла очень близко. У неё получилось только вскользь зацепить плечо, но и этого хватило, чтобы женщина упала, схватившись за ушибленное место, застонав от боли.

В тот же момент, как ниоткуда, к морде коровы взвился серый пушистый шар с горящими глазами и с воем вцепился в неё, стал драть когтями. Не ожидавшая нападения Зорька сделала шаг назад и наступила на бамбуковый сосуд, который треснул под копытом точно старая сухая ветка. Корова мотнула головой, и пушистый шар легко отпрыгнул в сторону, грациозно приземлился на пол между ней и бабушкой Пелагеей, трубой вздыбил хвост и, сверкая глазищами, угрожающе завыл:

– Мря-я-а-а-а-у-у-у-у! – как умеют выть только матёрые деревенские коты.

В такой суматохе никто и не заметил, что из треснувшего сосуда стал вытекать голубоватый светящийся дымок, формируясь в большое облако и постепенно превращаясь в огромного белого волка. Его тело обхватывало голубоватое свечение. Волк открыл глаза.

«Где я?»

Настя потёрла ушибленный затылок и открыла глаза. Коровы стояла рядом и, тяжело дыша, смотрела вглубь скотника. Полипы на ней вращали своими глазами и тихо гудели. Настя готова была поклясться, что они что-то тихо говорили вразнобой, но их голоса перебивали друг друга, сливаясь в монотонный шум.

Стараясь не привлекать к себе внимания одержимого животного, девушка осторожно поднялась с пола, прижимаясь спиной к грубой дощатой стене. Но Зорька не обращала на неё никакого внимания, продолжая неотрывно смотреть куда-то.

Правая от входа сторона сарая была поделена невысокими стенками на секции, похожими на денники в конюшнях. Настя поднялась на цыпочки и поверх спины коровы рассмотрела, на что же так та пристально смотрит. В среднем загоне на ворохе душистой соломы лежал маленький рыжий телёночек. Вытянув перед собой длинные ноги, он спокойно смотрел на происходящее большими влажными глазами и изредка тряс ушками, отгоняя надоедливых мух.

Зорька тяжело дышала, вздымая крутые рыжие бока.

Нестерпимая жажда мучила её, огнём сжигая нутро. Сотни голосов звучали у неё голове, сводя с ума:

«Убей его... Съешь его... Утоли свою жажду...»

Она подняла голову вверх и громко заревела, пытаясь отогнать их, затрясла головой.

«Убей его... Съешь его...»

Неожиданно из-за перегородки выскочила девочка, встала между ней и телёнком. Защищая его, она раскинула в стороны руки, нахмурила брови и срывающимся от волнения голосом, как можно суровее, громко закричала:

– Стой! Не смей трогать его!

В голове волка что-то шевельнулось. Какое-то воспоминание.

«Эта девочка...»

Он смотрел, как рыжая корова снова заревела, угрожающе выставив вперёд рога. Ещё секунда и она сметёт ребёнка как соломенную куклу. Девочка испугалась и заплакала. Но не убежала, а села на пол рядом с телёнком, обняв его за шею:

– Ну, пожалуйста, не надо... Не убивай его... – слёзы градом катились из её голубых глаз.

«Эта девочка похожа на...»

Он не помнит. Почему он ничего не помнит? В памяти всплыл обрывок: девочка, два хлопка, поклон.

«Кто это?»

Корова ударила копытом об пол и медленно пошла в наступление. Замершая от страха за сестру Настя взяла себя в

руки и крикнула Коту:

– Да сделай ты уже что-нибудь, наконец! Спаси их! – тот зашипел и начал увеличиваться в размере, принимая демонический облик.

Волк вздрогнул от неожиданности и встретился взглядом с Настей. Её крик гулким ударами стучал в его голове: сделай что-нибудь... спаси их...

«Какие удивительные глаза...»

Он прыгнул вперёд. Одним лёгким толчком опрокинул корову на бок и, лапой прижав её морду к полу, зарычал. Животное испуганно замерло, а полипы на ней в панике противно запищали.

Волк поднял голову и увидел, что на него стремительно летит тёмное Нечто. С огромными глазами блюдами и выставленными вперёд сверкающими когтями-кинжалами.

«Что это за демон такой?! – пронеслось в его голове, но тут он заметил небольшое открытое окно, – Лучше убраться отсюда.» – в один прыжок оказался возле него, выпрыгнул наружу и был таков.

Кот и не думал гнаться за ним. Честно говоря, он и сам ошалел, когда этот светящийся белый зверь выпрыгнул, как ни откуда перед ним и повалил скотину на пол. Кот приземлился точно между коровой и Василисой, прикрыл собой девочку, и громко завыл на одержимое животное. Та лежала, выпучив налитые кровью глаза, и от испуга не пыталась встать.

Ноги у Насти подкосились, и она осела на пол. Мысли в голове носились как безумные:

«Что это было?.. Откуда здесь взялся волк?.. Он светился, это был дух?.. Он хотел напасть на нас?.. Скорее, нет, он же не напал... Его глаза, такие яркие, в них совсем не было злости, скорее он был растерян... Что это за дух такой?.. Неужели из сосуда?!. Бабушка меня убьёт!!!»

Бабушка в это время уже всю проводила обряд изгнания. Подожгла пучок травы так, чтобы он только тлел и дымился, бормоча какие-то заклинания, окуривала этим дымом корову. Глазастая мерзость, пища и шипя, тёмными маслянистыми каплями начала стекать с животного, падая и исчезая в крупных щелях дощатого пола. Затем, Пелагея Фёдоровна окунула пучок в ведро с водой и стала брызгать им на неё, продолжая шептать заклинания. Несколько капель попало на Кота, он зашипел, принял свой повседневный вид и недовольно пробурчал:

– Осторожнее! Меня-то изгонять не надо!

Но бабушка даже не обратила на него внимания, бросив остатки пучка в ведро, принялась поить корову:

– На-ка, попей-попей, страдалица. Всё прошло, сейчас станет легче.

Обряд был закончен. Неотрывно наблюдающая за действиями бабушки Василиса подбежала к Насте.

– Всё? Закончилось, сестрёнка?

– Думаю, что да. – Настя встала, отряхнула свой сарафан

и прижала девочку к себе. – Теперь всё будет хорошо.

– Судя по этому, не будет! – недовольно произнесла бабушка, показывая на ладонях осколки разбитого сосуда, – Я надеюсь, ты объяснишь вот это?

Настя судорожно сглотнула, всё-таки волк появился из сосуда!

– Эм-м-м... Сегодня пришла посылка из Японии... На ней была указана только фамилия, вот я и открыла её... – попыталась оправдаться она, – Сосуд лежал в ней... Видимо, я случайно прихватила его сюда с собой. И он разбился, когда я упала... Прости...

Бабушка нахмурилась и вышла из коровника.

– Ясно. Дело плохо.

На улице их дожидалась бледная Алёна. Василиса подбежала к ней и радостно затараторила:

– Ой, Алёна! У вас такой красивый телёночек! А с коровкой теперь всё хорошо, бабушка её вылечила. И я даже помогала. – с гордостью добавила она.

– Правда? – Алёна с облегчением выдохнула. – Если хочешь, Василиса, ты можешь приходить и играть с ним.»

– Послушай, Алёна... – усталым голосом сказала бабушка, – Не могла бы ты присмотреть за Васёной до вечера?

– Конечно, присмотрю. Не волнуйтесь, бабушка Пелагея. – Алёна чувствовала себя обязанной, но знахарка никогда и ничего не брала за свою работу: ни денег, ни гостинцев. И даже запрещала благодарить её. Так что, присмотреть за

девочкой – это самое малое, что могла сделать для неё Алёна.

К тому же, это было не в тягость. Василиса ей очень нравилась, своим диким и игривым нравом, как лесной родник. Но при этом была очень послушной, не то, что её младшие братья-близнецы, рыжие сорванцы. Никакого сладу с ними не было.

– Но я хочу пойти с тобой, бабушка! – запротестовала Василиса и нахмурилась.

– Нет, внученька. Нам нужно сходить по одному очень важному делу. Будет лучше, если ты побудешь с Алёной. – строго сказала бабушка и, зная какая младшая внучка егоза, добавила, – Смотри, никуда от Алёны не уходи.

Василиса ещё сильнее нахмурилась и упрямо надула губы, намереваясь настоять на своём.

– Василиса, пойдём я тебе кое-что покажу. У нас вчера вылупились утята. Такие жёлтенькие и смешные! – Алёна взяла девочку за руку и легонько потянула за собой.

«Всё-таки, у неё талант к работе с детьми.» – подумала Настя, потому что Василиса тут же радостно закивала головой, почти сразу позабыв о бабушке, вприпрыжку потащила Алёну к птичнику. Алёна обернулась, махнула рукой, мол, ступайте спокойно, и одними губами прошептала Насте:

«Спасибо».

Пелагея Фёдоровна шла по улице, по-старушечьи заложив руки за спину, лицо её выражало глубокую задумчивость. Кот по-кошачьи легко балансируя, шёл по забору. Для по-

стороннего взгляда ни дать, ни взять самый обыкновенный дымчатый мурлыка. Никому бы и в голову не могло прийти, что вот так вот просто, при ярком солнечном свете, по заборах и улицам маленькой деревеньки Ивантеевки может вальяжно вышагивать домашняя нечисть, а именно домовой.

Настя шла позади, всё больше чувствуя, как вокруг сгущается гнетущая атмосфера.

– Бабушка, ты опять Василису с собой брала? Она же ещё маленькая, это так опасно! – наконец решилась она прервать тягостное молчание.

– А кого же ещё брать? Тебя? – неожиданно резко ответила бабушка, – В отличие от Василисы, у тебя нет способностей к ведовству. А я не молодею, знаешь ли! Вон, простое изгнание мелкой нечисти сейчас почти все силы забрало. Так что, самое время. – и помолчав, добавила – К тому же, одержимая послеродовыми паразитами корова – не самое страшное с чем ей придётся столкнуться в будущем.

Кот метнул в Настю успокаивающий взгляд, мол, не принимай её слова близко к сердцу. Настя украдкой горько ухмыльнулась, она и не принимает. Давно уже привыкла, что она – паршивая овца в стаде. Ну, нет у неё сверхъестественных способностей, как у бабушки, мамы или Васёны. И ничего с этим уже не поделаешь. Нужно просто смириться с этим фактом. И Настя давно смирилась.

Кот снова покосился на Настю и тихо спросил у бабушки: – Это был тот самый сосуд?

– Угу. – буркнула та и снова замолчала, погружившись в свои мысли.

«Ну нет, так дело не пойдёт!» – подумала девушка, и произнесла:

– Да что это за сосуд такой? Объясните, наконец! – ей совершенно не хотелось быть без вины виноватой.

«Ну, дух волка. И что? Ну, убежал, и что такого? Никому же не навредил. Да и, судя по спокойному взгляду, не собирался. А то, что убежал, так и скатертью ему дорога. Лес большой, заповедный, охотиться в нём запрещено. Так что, вероятность того, что он встретится кому-то, очень мала. К тому же, в этом лесу испокон веков своей чертовщины хватает. На одну больше, на одну меньше, какая разница?»

– Большую беду ты на нас накликала, Настя. – будто прочитав её мысли, сказала бабушка. – Посылку эту прислала мне моя подруга из Японии. Не пойму, правда, зачем она этот сосуд мне прислала, это ведь их семейная реликвия. В нём её прадед, великий заклинатель, заточил Уосэ Камуи, злого духа белого волка. Вернее, правильно его было бы называть божеством...

– Божество?! – ахнула ошарашенная Настя.

– Да. Уосэ Камуи переводится как «Воющий Бог». Японцы до сих пор поклоняются многочисленным божествам. А древние и подавно. Волков они всегда любили и почитали. Наделяли их положительными качествами, как защитников людей. Верили, что волки – это духи леса и всегда предупре-

ждают людей о грядущих катастрофах, берегут от пожаров и воров. И если хорошо почитать их, то даруют верующим богатый урожай, тучные стада домашнего скота и здоровых детей.

Вот так же в одной деревне почитали и молились этому божеству, Уосэ Камуи, Белому Волку. Но однажды этот дух взбесился и в ярости сжёг и лес, в котором обитал, и деревню с людьми, которые ему поклонялись. Заклинатель, прадед моей подруги, смог заключить его тогда в этот сосуд, но теперь...

«Теперь он на свободе и это моя вина...» – горько подумала Настя.

– ...теперь и нам грозит большая беда. – закончила рассказ бабушка. – Нужно кое-что взять дома и постараться найти его. Может быть, что-то в письме сказано о том, каким же образом её прадеду удалось заточить его...

Неожиданно Кот обеспокоенно завертел головой, зашевелил чуткими ушами и заметался по забору из стороны в сторону.

– Стойте! Вы слышите? – окликнул он Настю с бабушкой.

Те недоуменно покачали головами, нет, они ничего не слышали. Тогда он забрался на ближайшее дерево, вскарабкавшись на самую верхушку, начал пристально озираться по сторонам.

– Смотрите! В той стороне в лесу пожар! – крикнул Кот им сверху, указывая лапой направление.

Настя с бабушкой одновременно поглядели туда. Над склоном ближайшей к деревне горы поднимался сизый дым.
– Ну вот и началось. – пробормотала Пелагея Фёдоровна.

* * *

Ранее.

Волк выскочил через окошко, служащее для закладки в сарай сена, и в несколько прыжков преодолел двор. Он чувствовал, как силы наполняют тело и затёкшие мышцы. Легко перемахнул через забор и оказался на пустынной деревенской улочке.

При виде огромного зверя, степенно расхаживающие по улице куры опроретью кинулись прятаться по своим дворам. Цепные псы замолкли и в страхе попрятались по будкам, поджав хвосты.

«Где это я?»

Вдали возвышались покрытые лесом горы. Что-то узнаваемое сладостно защекотало внутри груди, и он неудержимо понёсся вперёд, почти не касаясь лапами земли.

«Кто я? Ничего не помню...»

Выбежав на окраину деревни, и вдохнув полной грудью душистые ароматы цветущего луга, лёг в траву, и с блаженством зажмурился.

«Я свободен... свободен!»

Деревню от леса отсекала небольшая речушка. Наступающий со склона горы вековой лес склонялся над ней, словно

любуюсь собой в отражении. Лёгкий жердяной мостик, перекинутый через неё, как два мира, соединял царство людей и заповедную чашу.

На окраине деревни паслось коровье стадо, мерно жуящее сочную траву и лениво отгоняющих хвостами надоедливых насекомых. Несколько деревенских ребят удили на берегу рыбу самодельными удочками из камыша. Высоко в небе стайка ласточек с писком гоняли мошкарку. В густой траве громко стрекотали кузнечики. Вокруг мирно текла размеренная деревенская жизнь.

«Кто я? Не могу вспомнить...»

Волк поднялся, отряхнулся, и быстро преодолев открытое пространство, в несколько прыжков проскочил узкий мост, и скрылся под сенью леса.

Голубоглазая белокурая девочка из сарая вспомнилась ему.

«Эта девочка... Так похожа на...»

Он силился вспомнить, но воспоминания ускользали от него, тупой болью отдаваясь в голове.

«Почему я не помню?»

И тут, перед его внутренним взором всплыла картинка:

– Раз, два, три, четыре, пять. Акира, иди искать! – маленькая черноволосая девчужка, стоя к нему спиной, хлопала в ладоши и смеялась, – А-а-аки-р-а-а-а...

«Акира? Акира... Это я! Акира – это я! Меня зовут Акира!»

Волк замер, боясь спугнуть видение. Кто это? Она совсем не похожа на человеческое дитя из сарая. Чёрные волосы, как струящийся шёлк, белоснежная фарфоровая кожа, маленькие ладошки и ступни. Девочка хлопает в ладоши, смеётся и оборачивается... Сейчас он увидит её и вспомнит!

«Кто это? Кто?»

Девочка поворачивается, и её лицо скрывает белая маска с узкими прорезями для глаз, обведёнными красной краской. Это маска волка.

Он медленно побрёл по лесу, стараясь снова нащупать в голове воспоминания.

– Раз-два, поклон. – учит пожилой мужчина девочку, стоящую возле небольшого храма.

И она точно повторяет: два хлопка, поклон. Дзынь-дзынь! – звенят бубенчики на красной тесьме, подвязывающей её волосы возле висков. И смотрит не на алтарь, а прямо на него. Но её лицо размыто.

«Почему я не могу вспомнить твоё лицо?»

– Акира! Ну что же ты! Ищи же меня! – снова её голос в голове.

«Я ищу, ищу тебя... Где же ты? Кто ты?»

Снова звенят бубенчики: дзынь-дзынь! Девочка снимает маску белого волка и поворачивается к нему.

– Ну что же ты?.. – улыбается ему, и он отчётливо видит её личико, лицо прекрасной взрослой девушки с большими карими глазами. – Акира!

Это Хотару! Его Хотару! Сердце забилося в груди сильнее. Нет, вернее – Юки. Хотару, мой маленький светлячок, так называл её только он. Нет, та маленькая белокурая девочка совсем не похожа на такую уже взрослую Юки.

– Акира! Акира-а-а-а!!! – её голос срывается на крик, она напугана. Хотару в беде!

Погружённый в себя волк медленно идёт по лесу, всё глубже заходя в чащу, всё выше поднимаясь по склону горы. Перед его мысленным взором проносятся воспоминания, яркие и болезненные картинки прошлого. Голубое сияние, окутывающее его тело, постепенно меркнет и наливается алым цветом с тёмно-бордовыми всполохами.

«Где ты, Юки?»

Кап-кап! Что-то мерно падает и бьётся о сухую листву. Кап-кап! Маска белого волка лежит на пожухлой осенней листве. Рубленая трещина пересекает её сверху вниз.

«Где ты, Юки?»

Что-то красное стекает с неё и падает вниз, на сухую листву. Кап... Что это? Кровь?!

«Где ты, Юки?!!»

– Акира... – хрипло шепчет её голос.

От этого всё внутри замирает... Юки в окровавленных одеждах лежит на земле.

– Акира...

Чёрный шёлк волос разметался вокруг.

– Акира...

Из больших глаз текут слёзы.

«Что такое, Хотару? Почему ты плачешь? Что у тебя с лицом?.. Кровь?.. Это кровь?! Кто это сделал, Хотару?!!»

– Акира... – хрипло шепчет Юки и из её рта тоже течёт кровь, – Акира... Спаси...

«Кто это сделал это с тобой, Юки?! Я убью их!!!»

Огонь! Всё объято пламенем! Горячо! Горячо! Лес горит!

«Спаси... Акира... Спаси...»

Он видит людей. Мужчины в простой крестьянской одежде. С дубинами и большими ножами. Смеются. Отблески пламени играют на их лицах, превращая их улыбки в хищные оскалы.

«Это они! Они убили Юки!»

Красное свечение вокруг него становится всё ярче. Алые полосы пересекают его белую шкуру. Глаза наливаются кровью.

«Горячо! Горячо! Как горит в груди! Юки, бедная Юки! Прости, что не уберёг тебя... Они убили её, когда она умоляла о спасении... УБЬЮ-Ю-У-У-У!!! Я ОТОМЩУ ЗА СМЕРТЬ ЮКИ!»

Волк поднимает голову вверх и яростно воем в небо. Красное свечение вокруг него пылает всё ярче и всё чего оно касается – трава, ветки, кусты – тут же занимается пламенем и начинает гореть.

Обезумевшее божество, пылая, шло по лесу. Огонь, горящий в его душе, вырываясь наружу, пожирает всё вокруг.

На небольшой полянке, возле логова под поваленным деревом мирно отдыхала небольшая стая местных волков. Взрослые особи тут и там лежали в высокой траве, в полудрёме наблюдая за резвящимися возле норы маленькими волчатами.

Он вышел из леса неожиданно, с подветренной стороны, неся с собой пламя, запах гари и смерти.

«Волки?.. Здесь волки...»

Акира остановился и снова оглушительно заревел. Застигнутые было врасплох волки, вскочили, похватили волчат за шкуру и скрылись в ближайших зарослях.

– КУДА ЖЕ ВЫ? ПОЧЕМУ ВЫ УБЕГАЕТЕ?

Образы снова заполнили его сознание. Огонь и кровь. Глухие звуки раздаются среди пламени, как будто лесорубы валят лес. Маленькие тела волчат, забитых дубинами до смерти. Смеющиеся люди, несущие на жердинах трупы взрослых волков. Огромная гора из волчьих голов, сваленных возле пылающего костра...

«ЛЮДИ! ЭТО ВСЁ СДЕЛАЛИ ЛЮДИ!»

– ПОСТОЙТЕ! ВЫ ВСЕ УМРЁТЕ!

Волки прячутся в зарослях, за деревьями и кустами, в ужасе наблюдая за неизвестным им божеством. И как поляна, служившая им долгое время домом, занимается пламенем и гибнет.

– Успокойся!

– Ты нас погубишь!

– Он безумен!

– Мы все сгорим!

Акира снова завыл – они не понимают!

– ВЫ ВСЕ УМРЁТЕ! ЛЮДИ УБИЛИ ВАС! НЕНАВИЖУ ЛЮДЕЙ! УБИТЬ! УБИТЬ ИХ ВСЕХ!

– Он нас не слышит!

– Он обезумел от ярости!

Испуганные звери, поджав хвосты, бросаются прочь от поляны, которая долгое время служила им домом. Прочь от Пылающего Бога.

– Прочь!

– Скорее!

– Скорее!

– Нужно оповестить всех о беде! Иначе мы все здесь умрём!

Волки остановились и, задрвав головы вверх, завыли. Несколько глоток запели скорбную песнь о постигшей лес беде.

Переполошённые птицы взмыли вверх и резкими криками подхватывают весть – беда, беда! Олени, кабаны, зайцы – всё лесное зверьё лишь заслышав её, испуганно срываются с места и мчатся, не разбирая дороги, стараясь быстрее покинуть опасное место. Тревожный сигнал достигает ушей волков из других стай, и они подхватывают его, разнося его всё дальше и дальше – беда, беда!

Над горой разносится вой десятков волчьих глоток и до-

стигает ушей людей, работающих в поле. Они в недоумении смотрят на гору: что такое? Волки воют летом, да и ещё посередине бела дня! Заметив поднимающийся над лесом сизый дым, бросают свою работу, хватают топоры, лопаты и ломы, крича своим соседям:

– Пожар! Пожар!

Те, тоже побросав свои дела и похватав первое, что под руку попадётся, бегут помогать тушить пожар. Потому что нужно успеть, пока он не разросся, пока ещё не стал лесным огненным гигантом размером со всю гору, неудержимо пожирающим всё на своем пути: животных, людей, селения.

ГЛАВА 2

«Повторяется то, что однажды уже случилось в Японии... И в этом только моя вина. И зачем только я открыла эту чёртову посылку?!»

Настя беспокойно вглядывается в поднимающийся над горой дым. Теперь и она слышала разносящийся над горой волчий вой и крики соседей о пожаре.

«Моя вина, мне и исправлять!»

Девушка бросилась бегом по деревенским улочкам, решительно направляясь к лесу.

– Настя! Куда ты! – крикнула ей в спину бабушка, но куда там!, та уже скрылась за поворотом. – Кот! Следуй за ней!

Кот серой стрелой спрыгнул с забора и бросился вдогонку.

Настя выбежала за околицу. В душе у неё ворочалось неприятное чувство, что-то тут не так, что-то смущало во всей этой истории.

«Как же этот прадед смог заключить Древнего Бога в сосуд? Даже если он был сильным заклинателем, это просто невозможно! Тогда как же? Божество само позволило себя заточить? Но разве взбешённый дух способен пойти на такое добровольно? И почему бабушкина подруга прислала этот сосуд, если это семейная реликвия? Там, в скотнике... Его глаза были такие спокойные, словно он и не собирался ни на кого нападать, словно вся эта история вообще не про него.

Нужно постараться найти его. Я чувствую, что должна поступить именно так. Чувствую, что так будет правильно.»

На одном дыхании она пересекла поле и пробежала по узкому мостку. Оказавшись в лесу, Настя оробела:

«Что дальше? Где теперь его искать?»

До её слуха донёсся далёкий трубный вой. Это мог быть только он, Уосэ Камуи, Воющий Бог.

– Настя! Стой! – попытался остановить догнавший её Кот, – Я не смогу противостоять Божеству. Давай вернёмся...

Но она, не слушая его, помчалась по лесу на звук грозного воя. Видимо, Божество долго кружило по лесу, потому что пламя и дым находились в одной стороне, его голос доносился с совершенно противоположной.

Вдалеке, между деревьев Настя видела, как её односельчане боролись с огнём: сбивали огонь со стволов, засыпали землёй горящие траву и прошлогоднюю листву, рубили пылающие ветки. Ей очень хотелось помочь, но сначала нужно найти первопричину, иначе борьба с пожаром будет бесполезна: разбушевавшийся дух в ярости спалит и лес, и деревню. Как тогда, в Японии.

«Но что же сейчас разозлило его?»

Девушка бежала на вой, и дым в той стороне становился плотнее, а значит, она двигалась в верном направлении. Дышать становилось всё труднее и труднее. Кот еле-еле поспевал за ней, ругаясь и бормоча себе под нос:

– И куда её несёт?.. Вся в мать!..

Наконец, Настя вышла к небольшой охваченной пожаром поляне. Она сразу увидела его. Волк очень изменился. Весь в багровом сиянии, с яркими алыми полосами по всему телу, казалось, он сам пылал огнём.

– НЕНАВИЖУ... НЕНАВИЖУ... НЕНАВИЖУ...

У Насти перехватило дыхание. И что теперь? Что делать? Как она могла только подумать, что сможет справиться с ним, сможет его успокоить? Коленки предательски задрожали.

– ОНИ УБИЛИ ЕЁ... НЕ ПРОЩУ... НЕНАВИЖУ...

«Убили её? Кого? Его волчицу? Нет, он же бог... Тогда кого? Нужно взять себя в руки и поговорить с ним. Ну же, смелее, Настя! В конце концов, ты же дочь своей матери! Должна же хоть капелька её талантов и тебе передаться! А для неё умиротворение разъярённых духов, демонов и животных было на раз-два, как орешек расколоть! Просто делай так, как делала она и всё получится... надеюсь, что получится... Ну же! Смелее!»

Настя сделала шаг на поляну. Уосэ Камуи уставился на неё налитыми кровью глазами.

– ЗАЧЕМ ТЫ ПРИШЛА, ГЛУПАЯ ДЕВЧОНКА? УХОДИ!

– Мне нужно поговорить с тобой... – сказала Настя и сделала несколько мягких шагов к нему.

Волк ошетинился:

– ЛЮДИ! НЕНАВИЖУ! УХОДИ!

– Пожалуйста, успокойся... – Настя сделала ещё несколько осторожных шагов.

Странно, но горящая трава её совсем не обжигала. Девушка даже не почувствовала жара пламени.

«Он может управлять огнём?»

– Люди этой деревни никого не убивали. Этот лес является заповедником, здесь нельзя охотиться... – ещё несколько шагов.

Она почти дошла до него, она почти рядом.

– НЕ ПРАВДА! ЛЮДИ УБИЛИ ЕЁ! ЛЮДИ ИСТРЕБИЛИ ВОЛКОВ! НЕНАВИЖУ!

Настя подошла вплотную к нему. Она почувствовала сильный жар, исходящий от его тела. Да он и правда горит! Ненависть сжигает его изнутри!

– Пожалуйста, успокойся... – Настя осторожно подняла руки и обняла его за шею так, как это делала её мама с разъярёнными животными, когда успокаивала их.

В груди у неё загло – он потерял кого-то, кто был очень дорог ему. Она понимала его. Ей было жаль его, так жаль!

– Это всё было очень много лет назад... Всё прошло, ничего теперь не изменить... Успокойся, всё прошло... – Настя прижалась к широкой груди Божества.

«Свет...»

От девушки начал исходить золотистый свет и Акира замер, его багровое пламя начало гаснуть.

«Тепло... Я знаю, что это за свет... Не помню...»

Её сияние становилось всё ярче, стирая с его тела горящие алые полосы.

«Это... Это же...»

Оно всё больше окутывало его, проникая в самое сердце и рождая там невнятные, но очень знакомые чувства. Волк попытался отстраниться от девушки:

– Я же сказал, не подходи ко мне!.. – он угрожающе зарычал и оскалился.

«Я чувствую, что знаю, что это за свет...»

Но девушка продолжала обнимать его, излучая этот восхитительный тёплый свет. Тогда он осторожно взял девушку за плечо зубами и попытался отстранить её.

Неожиданно воспоминание молнией вспыхнуло в его мозгу:

«Этот свет! Это же!..» – от неожиданности он резко сжал челюсти, раздался звук рвущейся ткани и плоти.

Девушка громко вскрикнула от боли. Металлический вкус крови разлился во рту. Свет внезапно потух, как и не было его, а вместе с ним ускользнуло и воспоминание.

Акира удивлённо разжал челюсти, и Настя безвольной куклой упала на землю. Разорванный сарафан обнажил её израненное залитое кровью плечо. Кровь быстро растекалась, пропитывая одежду, капая на землю в обожжённую траву.

«Я убил её?! Но... я не хотел этого...»

Он поражённо смотрел на неё, и перед мысленным взором всплыло видение:

Юки лежит на земле и потухшими мёртвыми глазами смотрит в небо, синие одежды пропитались кровью, её живот распорот, а у него из пасти... капает кровь?! Так это он?! Он убил Юки?! Нет-нет-нет! Этого просто не может быть!

Образ растерзанного тела Юки стоял перед глазами.

Кто-то громко вскрикнул. Акира увидел пожилую женщину и желтоглазого демона, которые были в том сарае. Женщина с распахнутыми от ужаса глазами смотрела на тело своей внучки, из глаз её лились слёзы. Она зажала себе рот рукой, сдерживая рвущийся наружу крик.

– Кот... Нужно отнести её домой... – простонала она.

Акира отступил назад, позволяя демону забрать лежащую без движения девушку. Но только тот успел поднять её, как всё вокруг начал заволакивать непроглядный туман.

Это был не дым от пожара, нет. Тот потух, как только золотистый свет окружил собой Акиру. Это был именно густой туман, белый, словно парное молоко. В одно мгновение он заполнил собой всю поляну, да так густо, что не было ничего видно дальше собственного носа.

Акира с трудом дышал, воздух был таким густым, что казалось, будь он чуточку плотнее, и можно было бы утонуть. Что-то скрывалось в нём. Кроме тех троих, некто сильный и опасный таился под покровом этого тумана. Волк тревожно закрутился на месте, стараясь уловить сторону, откуда исхо-

дила опасность.

– Кто здесь? – Акира оскалился, – Выходи!

Тишина. Не поют птицы, не стрекочут насекомые. Оглушительная тишина. Лишь где-то рядом в этой белой пелене нарушают её тихие причитания пожилой женщины:

– Что же ты натворила, Настя... Что же натворила...

Горькое чувство разливается внутри – глупая девчонка...

«Прости...»

Шорох сзади. Акира резко оборачивается, но сквозь туман ничего не видно. Хотя он по-прежнему чувствует чьё-то присутствие. Кто-то есть в этом тумане. Незримый. Сильный.

Хруст сломанной ветки справа. Акира резко прыгает в ту сторону... никого. Сзади раздался смех, еле уловимый, как звук колокольчика на ветру.

– Выходи! Встреться со мной лицом к лицу! Хватит прятаться в тумане! – рыкнул он.

Уж лучше смотреть в глаза могучему противнику, чем метаться в тумане подобно слепому волчонку.

Совсем близко снова раздался издевательский смех, но туман вокруг него стал рассеиваться. Акира огляделся и обнаружил, что находится на другой поляне. Другие деревья окружали её, покрытые зелёным мхом, с неохватными стволами и совершенно не тронутые огнём.

Посередине поляны высились огромные деревянные истуканы с потемневшими и потрескавшимися от времени лица-

ми, строгими взглядами из-под нахмуренных бровей и клиновидными бородами. Рунические символы опоясывали эти статуи, а перед ними находился огромный алтарь или жертвенный камень весь покрытый толстым слоем мха и седого лишайника. Уже много лет никто не приносил сюда свои жертвоприношения, не молился и не совершал ритуальных обрядов.

Пожилая женщина, лупоглазый демон и раненая Акирой девушка тоже находились в этом странном месте. Кровь пропитала ей почти всю одежду, кажется, она уже не дышит...

«Прости меня...»

Он убил её. Раскаяние пекло внутри. Ему было жаль, очень жаль...

«Что же ты натворила, глупая девчонка?!...»

Старуха пыталась остановить кровотечение, оторвав полоски ткани от фартука и перевязывая рану девушки, тихо причитала над ней. Она не обращала ни на что внимания: то, что оказалась в совершенно другом месте, и что все её попытки бесполезны – жизнь капля за каплей покидала тело её внучки.

– Древний Бог из далёких земель! Как ты посмел явиться в мой лес и творить здесь бесчинства?

Акира вздрогнул от неожиданности и посмотрел в направлении, откуда шёл голос.

На жертвенном камне сидела юная девушка и смотрела на него. Её удивительные жемчужного цвета волосы были за-

плетены в две длинные косы и украшены лесными цветами. Простое белое льняное платье, расшитое узорами из точно таких же цветов и трав, ниспадало до самых щиколоток босых ног. На вид эта девушка была примерно одного возраста с той, что умирала сейчас там, в изумрудной траве.

Но Акира чувствовал исходящую от этой девушки силу. Она совершенно не та, за кого себя выдавала. Это её он чувствовал в тумане. Акира ощерился и зарычал.

– Не хочешь говорить? – девушка спрыгнула с жертвенника на землю, но лишайник остался на камне совсем не тронутым. Да и шла она, казалось, почти не касаясь земли.

– Или ты настолько древний, что уже разучился говорить, а? – тон её был насмешливым.

«Древний бог? Кто? Он?»

– Кто ты? И что тебе нужно? – огрызнулся Акира.

– Нет, ну каков нахал! «Что тебе нужно», – передразнила его девушка, – Во-первых, я – богиня этого леса и хозяйка ближайших земель. Во-вторых, за то, что ты незваным явился и начал жечь мой лес, я покараю тебя!

Богиня сделала лёгкое движение рукой в воздухе, и в то же мгновение Акиру как верёвками обвили длинные зелёные побеги. Они стянули ему пасть, опутали лапы и тело, стали тянуть вниз, к земле. Он напряг все свои мышцы, сопротивляясь им, растения рвались и выдирались из земли с корнями.

– Я р-р-разор-р-рву тебя! – прорычал разозлившийся

Акира, сдирая с себя последние путы.

– Да-а-а? Вот как? – она насмешливо фыркнула, щёлкнула пальцами, и новые побеги обвили его, – Ну-у-у, попробуй!

Акира снова рвал их зубами, напрягая тело, вырывая с корнями из земли, но на их месте тут же прорастали другие и цепко обвивались вокруг него.

«Странно, – подумала она, – но он совсем не использует свои божественные и магические силы... Почему он ведёт себя просто как древнее животное? Он что-то скрывает?»

– Ну что же ты? – снова поддразнила она его, чтобы окончательно разозлившись, тот явил свою силу, – Не можешь?

Акира продолжал бороться, но дыхание уже сбивалось, он запыхался, долго он так не продержится. Но зелёным путам конца и края не было.

– Хотя, должна признать, ты довольно силён... – задумчиво произнесла она, – Нет, ну какой всё-таки настырный наглец! Ни капли совести в нём нет, что за нравы такие пошли? Нет бы, извиниться, прощения попросить. Мог бы сказать: мол, так и так, не гневайся, государыня богиня, прости дурака такого, отпусти на волю, откуплюсь от тебя, чем только пожелаешь. Ну, или как там положено... А он вместо этого ещё и угрожает!

Акира на мгновение замер удивлённо – такая мысль даже не приходила ему в голову. Но этого замешательства вполне хватило, чтобы побеги плотно стянули его и так крепко прижали его к земле, что он дышать мог с трудом, не то чтобы

пошевелиться.

Богиня чуть рот не открыла от удивления:

«Да ладно! Он что, издевается надо мной?! За дуру держит?! – раздраженно думала она, – Даже меня этими росточками было бы не удержать, а такое старое божество и подавно! Почему он не атакует?»

Богиня подошла к нему поближе, пристально разглядывая его. Но как-то уж очень он убедительно «симулировал»... Зелёные путы прижали его к земле столь сильно, что тот еле дышал, сипя и хрипя. От недостатка воздуха его глаза покраснели.

«Нет, что-то с ним не так... С ним действительно что-то не то...»

– Госпожа... – прервал кто-то её размышления.

– Богиня. – механически поправила она, и обернулась на говорившего.

Перед ней, уважительно склонив голову, стоял тёмный медведеобразный дух с большими глазами блюдцами. Он был смутно знаком ей, но вспомнить к какому классу духов лупоглазый относится, никак не могла.

Приподняв одну бровь, она молча разглядывала его. Заметив пристальный взгляд, дух негромко охнул:

– Ох, простите мою бестактность, богиня! – и начал трансформироваться, уменьшаться в размере, пока не принял форму невысокого бородатого мужичка в штанах с заплатами, простой длинной рубахе, подпоясанной обыкновенной

верёвкой, и красных лаптях. Ростом он был не выше метра.

«Гном? Ах, нет же! Это же домовой! Как я сразу не узнала его в демонической форме? Давненько я не встречала домовых...»

– Постой-ка... Ты же домовой? – мужичок в ответ поклонился. – А что ты тогда делаешь в лесу? Как ты смог покинуть пределы своего хозяйства?

Богиня огляделась, ни шуни, ни канема, которых обычно использовали домовые для передвижения вне своих домов и дворов, ни рядом с ним, ни в его тени не было.

– Я – ардас, богиня. – ответил он.

Богиня удивлённо вскинула брови: ардасы и раньше были большой редкостью, а сейчас-то и подавно. Тем более, домовой-ардас. Теперь понятно, почему на нём были одеты красные лапти, среди домовых он имел такой же высокий статус, как граф у людей.

– Богиня, – снова произнёс домовой, – не вели казнить, вели слово молвить.

«Так-так, хорошо начал. Прямо по всем правилам, – снова удивилась она, – как положено перед прошением. И тут нужно либо отказать сразу, либо, возможно, придётся выполнить просьбу...»

– Говори что надо, не тяни. – хорошее расположение духа снова вернулось к ней, поэтому она решила сначала узнать, что же ардасу от неё нужно.

Краем глаза она следила за Древним Богом. Тот пока ле-

жал неподвижно и не пытался применить свою силу.

– Богиня, не гневайся, прошу тебя ниспослать свою благодать на это человеческое дитя и спасти её от приближающейся смерти. – он указал в сторону, и богиня увидела лежащую в траве девушку и причитающую над ней заклинания пожилую женщину.

«Здесь ещё и смертные! Я так была поглощена этим Древним Богом, что совсем не заметила их присутствия!»

Она подошла ближе и рассмотрела их. Женщина была ей хорошо знакома.

Частенько от скуки в Божественных Чертогах, богиня катала яблочко по тарелочке и наблюдала за происходящим в её землях. И эту знахарку она хорошо знала. Хорошая женщина, всем помогает, зла не творит. Дочка у неё была, да трагически погибла, оставив после себя девочку, маленькую талантливую ведунью. А вот умирающую девушку она видела в первый раз. Приезжая, что ли?

Богиня осмотрела её. Рваные глубокие раны от больших зубов, сильная кровопотеря. Хоть знахарка и применила кровоостанавливающие заклинания, и перевязала раны лоскутами ткани, этого было не достаточно. Душа уже покинула это тело, и без неё жизнь уже угасала, как догорающая свеча.

– Это он натворил? – спросила богиня женщину.

Та подняла на неё заплаканное лицо и удивлённо уставилась, будто только заметила. Потом быстро огляделась, снова посмотрела на богиню и, сообразив, что та может помочь,

спешно ответила:

– Он это, он, аспид проклятый! Она, моя внуч... – запнулась было бабка, но тут же продолжила, – моя внучатая племянница, случайно выпустила его из сосуда, в который он был заключён. Да по наивности и глупости своей попыталась его успокоить, когда тот взбесился и стал лес жечь, хотя нет у неё никаких способностей к ведовству. И он её загрыз, зверь окаянный!

«Так вот что с ним не так! – богиня снова пристально посмотрела на связанного волка, – Перед тем как его заключить, на него наложили сильные сковывающие божественную силу заклятие и заклятие беспамятства, иначе его было бы не удержать в сосуде. Поэтому он сейчас и такой, словно стреноженный конь: и быстр, и силён, да скакать не может, пока путы не снимут. Что, несомненно, к лучшему. Иначе бы я с ним точно не справилась.» – подумала богиня, а знахарке сказала:

– Душа уже покинула тело и далеко ушла. Очень сложно вернуть её обратно. Почти невозможно. Соболезную.

– Почти? Значит, есть способ? – спросила женщина с надеждой в голосе.

– Я – богиня, к которой сейчас очень редко обращаются за помощью. Силы уже не те. Вряд ли смогу помочь, но...

– Но? Но что? – с нетерпением спросила бабушка.

– Но может и смогу. После жертвоприношения.

– Жертвоприношения? – знахарка посмотрела на древних

истуканов и каменный алтарь.

Затем она поднялась и быстрым шагом направилась к нему. Достав из кармана платья осколок бамбукового сосуда, женщина острым краем полоснула себя по ладони до крови.

– О, Древняя Богиня! Прошу, прими в жертву мою кровь и спаси Настю от смерти, верни её душу обратно в тело. – сказала она и полила своей кровью жертвенник.

«Ага. Решительная бабуля. Без лишних разговоров сразу к делу приступила».

Богиню как жаром обдало. Она почувствовала уже забытый прилив сил и мощи. Её божественный огонь вспыхнул с необычайной силой.

– Можно было обойтись хлебом с солью или, на худой конец, цветами льна с пшеничной кашей. – пробурчала она, ощущая себя необычайно хорошо, просто восхитительно, – Но и так тоже очень даже не плохо.

Богиня встала рядом с Настей, подняла над ней руки, закрыла глаза и сказала:

– Ну что ж, идём за душой. – и, направив на тело девушки свой божественный свет, приказала:

– Настя, внемли мне! Вернись в тело своё, и прими Божественную Милость Мою!

* * *

Настю окружал свет. Белый, тёплый, любящий. Боль ушла, и она ощущала невероятную лёгкость. Её куда-то стре-

нительно влекло, она не сопротивлялась и летела. Ей было очень хорошо.

– Настя... – позвал её голос, и она узнала его, это был он, такой родной и тёплый голос её мамы.

Настя увидела её. Она сидела на завалинке возле коровника их с папой фермы. Настя и забыла, что у её семьи было целое фермерское хозяйство.

– Мама! – девушка бросилась к ней и уткнулась лицом ей в колени, чувствуя себя маленькой девочкой.

– Мама... Я так скучала... – ласковая рука мамы погладила её по голове.

– Я знаю, дорогая. Я тоже очень скучаю по вам... – Настя подняла голову и посмотрела ей в лицо. Она совсем не изменилась, всё такая же красивая белокурая женщина с искрящимися голубыми глазами. Васёна будет очень похожа на маму, когда вырастет.

– Я умерла, да?

– Почти. Ты почти умерла.

– Я просто хотела успокоить его, как это делала ты. – Настя вспомнила всё: и сосуд, и пожар в лесу, и Уосэ Камуи, – Если бы у меня только были способности к ведовству, как у тебя или Васёны, я бы смогла. У меня бы всё получилось. Почему у меня их нет?

Мама взяла ладонями лицо дочери, сказала:

– Потому что ты – моё сокровище. Моё самое драгоценное сокровище! У тебя всё получилось, доченька. У тебя по-

лучилось даже больше, чем можно себе представить! – и поцеловала её в лоб.

Настя облегчённо вздохнула:

– Правда? Как хорошо... Тогда я спокойна. Можно я останусь с тобой?

– Нет, дочка. Тебе ещё рано быть здесь.

Откуда-то издалека кто-то позвал:

– Настя-я-я...

– Всё, дорогая. Тебе пора уходить.

– Но я не хочу! – запротестовала Настя.

Мама встала с завалинки и погладила её по голове:

– Иди. Пора. Он очень нуждается в твоей помощи. Спаси его. – она повернулась и пошла в коровник.

– Кого – его? – непонимающе спросила Настя.

Мама обернулась и, улыбнувшись, сказала:

– Ты сама знаешь. Спаси его.

Неожиданно на девушку нахлынула сильная тревога: маме нельзя туда заходить! Там опасно!

– Мама! Не ходи туда! Пожалуйста, вернись!

Женщина улыбнулась дочери и открыла дверь.

– Вернись! Пожалуйста, не ходи туда! Вернись!

Но та как будто не слышала дочь.

– Спаси его. – повторила она и сделала шаг внутрь.

– Мама! Ма-ама-а-а! – Настя заплакала от безысходности.

Женщина скрылась внутри, дверь за ней медленно затворилась.

– Ма-ама-а-а-а! – плачущая Настя бросилась вслед за ней, но неожиданно кто-то крепко обнял сзади, не пуская её, и закрыл ей ладонью глаза.

– Тебе туда ещё рано. – сказал женский голос.

* * *

Настя открыла глаза, чувствуя, как по щекам бегут слёзы. Бабушка бросилась к внучке и обняла её. Раны на теле девушки исчезли. О произошедшем напоминал только порванный сарафан, пропитанный кровью.

– Мама... Бабушка, я видела маму... – еле слышно произнесла Настя.

Знахарка крепко прижала к себе девушку и зашептала на ухо:

– Тихо. Ничего не говори, всё потом. – и громче добавила – Теперь всё будет хорошо. Всё прошло. Пойдём домой?

Настя перестала плакать, удивлённо отстранилась от бабушки и огляделась.

Они находились на неизвестной поляне с древним капищем. Не далеко от неё стояла светловолосая девушка в белом платье. Её волосы, заплетённые в косы, переливались жемчужным перламутром. А тело окружало голубоватое сияние. Она улыбнулась Насте и сказала:

– В самый последний момент удалось тебя вернуть. Ещё чуть-чуть и всё, назад дороги для твоей души не было бы. – Настя узнала её голос, это он звал её там, по ту сторону. –

Можешь не благодарить, оплачено. Теперь ступайте. А мне ещё с ним нужно закончить. – и кивнула в сторону.

Настя посмотрела в том направлении и увидела лежащего на земле и всего обвитого зелёными побегами Уосэ Камуи.

«Спаси его.» – всплыли в памяти слова матери.

Это его она должна спасти?

– А что вы хотите с ним сделать? – спросила Настя.

– Покарать. – ответила богиня тоном, будто это само собой разумеющееся.

– А как именно? – не унималась Настя.

«Вот же муха надоедливая!» – подумала богиня и ответила:

– Я убью его. – увидев ошарашенное лицо девушки, пояснила – К сожалению, он очень сильный и древний бог, на которого наложены запечатывающие заклятия. Поэтому лучше убить его сейчас, когда он слаб, чем биться с ним, когда он обретёт всю свою полную мощь. А это случится, рано или поздно. Видела, что он натворил?

Настя неуверенно кивнула.

– Вот то-то и оно. А ведь сейчас он почти не использовал свою Божественную силу. Только представь, что будет, когда он будет использовать её намеренно: Бац! – богиня щёлкнула пальцами, – и вместо леса здесь будет бушевать огненный ад от горизонта до горизонта.

– Но это же убийство! Убивать его, когда он слаб, разве нет? – воскликнула Настя.

– Ты вообще слышала, что я сказала? Он опасен! Деточка, этот пёсик не поддаётся дрессировке. Его нужно усыпить для безопасности окружающих!

Настырная девчонка начинала раздражать богиню. По правде сказать, ей и самой претила мысль, что придётся убить бога и замараться в его крови. К тому же, она прекрасно помнила про судьбы богоубийц: даже если это было совершено для всеобщего блага, все они кончили плохо, от возмездия никто не скрылся. Но другого выхода она сейчас не видела.

– Настя! Хватит, идём домой! – вмешалась бабушка. – Простите нас, мы уже уходим.

– Нет! – настаивала на своём Настя, – Можно же как-то решить это по-другому, не убивая его!

– Девочка, тебе жаль его? Поверь, мне тоже очень-очень жаль его. Но такую опасную собачку нельзя держать у себя в доме: рано или поздно он перегрызёт тебе горло! – зло съехидничала богиня, – Всё, уходите, пока моё терпение не лопнуло. Забирайте свою внучатую племянницу, идите домой, купите ей щеночка, пусть с ним играет. Всё спокойнее будет. – добавила она, обращаясь к знахарке.

– Пойдём, Настя! Хватит уже! – бабушка схватила внуку за руку и с силой потянула за собой.

– Нет! Ты не понимаешь! – девушка упёрлась и вырвалась от неё, – Там, за гранью, я видела маму. Она просила его спасти. Понимаешь? Это её просьба, чтобы он жил!

– Ну-ка, постойте. Не уходите. – богиня окликнула их, – Говоришь, дух за гранью попросил тебя спасти его?

Настя кивнула. Богиня задумалась. Духи и души за гранью находятся вне времени и пространства. И порой они знают то, что даже богам не ведомо.

К тому же, её и саму корёжило от мысли об убийстве. Она, в конце концов, богиня леса, хорошего урожая льна и зерновых, покровительница девушек на выданье. И её работа – следить, чтобы хлеб колосился, лён уродился, да чтоб какую-нибудь Глашку не выдали замуж против её воли за старикашку, а непременно, чтобы её полюбил принц на белом коне. Ну, на крайний случай герцог, или Васька-тракторист, тоже как вариант сойдёт. Но никак уж не махать оружием возмездия и рубить головы с плеч.

Богиня снова посмотрела на обездвиженного волка и подмигнула ему:

– Видал, какая у тебя защитница выискалась?

Тот ей в ответ глухо зарычал. Вот ведь не воспитанная скотина!

«Что же делать, что делать...»

Она перебирала в голове все возможные обряды, какие только знала, но это всё было не то: либо совсем из другой оперы, либо слишком слабы для Древнего Бога. В конце концов, не всегда же он будет скован заклятьями, рано или поздно его сила к нему вернётся.

В задумчивости богиня скользила взглядом по поляне,

пытаясь нащупать хоть какую-нибудь идею, пока её взор не упал на домового-ардаса.

«Домовой-ардас... Ардас... – и тут её осенила совершенно безумная по своей гениальности идея, – Точно! Ардас!»

Богиня мысленно хлопнула себя ладонью по лбу – и как она сразу не подумала об этом? Решение же вот, всегда было перед глазами! К тому же её сила сейчас подпиталась жертвенной кровью, а значит, осуществить задуманное для неё будет проще пареной репы.

Ардасы относились к шестому классу помощников для чародеев и прочих людей с магическими способностями. В зависимости насколько большой силой обладал маг, от его целей и желаний, тот контракт он и заключал.

Всего существовало девять видов контракта. Иерархия начиналась с самого простого контракта анак и заканчивалась девятым, самым сложным – ому́й. Каждый класс давал свои определённые преимущества и имел свои недостатки. Но чародеи в основном предпочитали четвёртый класс, контракт фамильяра. Он был не очень сложный, но достаточно сильный, при этом его легко можно было расторгнуть или заключить с другими духами ещё. Чего некоторые, более высшие классы, не позволяли. Как ардас к примеру.

При заключении шестого класса контракта ардас, маг, а в данном случае бабка-знахарка, приобретали духа-хранителя, сила которого возрастала десятикратно. Но ни одна из сторон не могла его разорвать, контракт можно было только

исполнить. А таковым он считался только после смерти хозяина-чародея. Но после наступления оной, сила духа хранителя оставалась увеличенной. То есть, чем больше хозяев ардас переживёт, тем сильнее он станет.

Да только духи обычно крайне не терпеливые создания и вполне могут убить своего хозяина, тем более, условиями контракта это не запрещено. Поэтому ардас – это символ исключительного доверия чародея к духу, в обмен на приобретение невероятно сильного помощника, особенно если это какой-нибудь демон. Или бог, к примеру.

Но все средние и высшие контракты заключаются на добровольной основе. А вот для первых двух низших классов, анак и даор, этого не требуется. Такими контрактами маги обычно связывали призванных духов и демонов насильно, против их воли, ввергая в рабство, чему те были не особо рады. Но у анак и даор имелся крайне существенный изъян – не долгосрочность контракта. Поэтому их использование было крайне опасно. Выполнивший волю временного хозяина разъярённый дух обычно возвращался и отрывал тому его бестолковую голову.

В целом, контракты всех классов сами по себе совершенно не подходили для плана богини. Но вот, если смешать пару-тройку, да приправить всё смертной, не имевшей сверхъестественных способностей, то получалось очень даже симпатичное возмездие с тонкими нотками коварства и гениальности. Так что заточение в сосуд или обращение в камень

даже и рядом не валялись. Довольная своей задумкой богиня мысленно потёрла руки от предвкушения и, скрывая радостный смех, прокашлялась:

– Кхе-кхе, и так. Я, богиня здешних мест, хозяйка бескрайних лесов и полей, решила проявить свою Божественную Милость и оставить этому Древнему Богу его жалкую жизнь...

Настя, выдохнула было с облегчением, но богиня продолжила, и девушка снова напряглась, предчувствуя скрытый подвох.

– Но! Но, так как моему лесу был нанесён существенный урон и этот бог не проявил ко мне должного почёта и уважения как к хозяйке здешних мест, а даже наоборот, вёл себя как последний не воспитанный хам и наглец, я не могу отпустить его без наказания. А по сему, вот Воля Моя: пусть этот бог идёт в услужение к этой смертной девушке. – богиня посмотрела на открывшую было рот Настю, и уточнила для неё, – Да-да. Коли уж ты за него так радела. В общем, идёт в услужение к этой девушке, служит верой и правдой до конца дней её, а затем, после завершения её земной жизни, следует за душой хозяйки за грань миров, где и остаётся навечно, без возможности перерождения. Такова есть Воля Моя. Быть по сему.

Договорив, богиня принялась чертить в воздухе светящиеся символы, выстраивая их в одну цепочку, удаляя на её взгляд не нужные и соединяя эти отрезки между собой.

– Но почему именно ко мне?! – воскликнула поражённая Настя, – у меня-то и способностей никаких нет!

– А оно и к лучшему, – ответила богиня, не отрываясь от своего занятия, – и ты даже не представляешь, насколько.

– Смилуйся, богиня!.. – начала было причитать бабушка, стараясь разжалобить божество, но та резко оборвала её:

– Сегодня я тебе уже одну милость оказала. И не малую. Девушка жива, здорова. Что тебе ещё надо, старая? Более двух благодетельств в день я не совершаю. – богиня закончила с письменами и в руки ей упал длинный зелёного цвета светыющийся витой шнур.

– Не губи-и-и... – продолжила знахарка, подвывая, и бухнулась перед богиней на колени.

– Встань! Можешь не пытаться! На меня подобные штуки лет триста уже не действуют. Встань и иди! Отсюда и, желательно, подальше! Пока я окончательно не разозлилась!

– Но ведь так нельзя! – снова запротестовала Настя.

– Что именно нельзя? Посылать куда подальше? По-моему, это-то как раз сейчас среди людей очень распространено. В тренде, я бы даже сказала.

– Нет, я не про это... – не решительно произнесла девушка.

– А про что? – раздражённо спросила богиня.

– Ну... – девушка замялась, – А может быть этот Древний Бог не хочет мне служить...

Богиня сначала замерла с широко распахнутыми глазами

стараясь переварить услышанное, а потом громко расхохоталась.

– О-о-ох... Ну и рассмешила. – простонала она, вытирая выступившие от смеха на глазах слёзы. – А давай-ка, спросим у него самого! Эй, Древний Бог! Ты не против того наказания, которым я собираюсь покарать тебя?

Акира зарычал, злобно зыряка на богиню, и задёргался, стараясь освободиться.

– Во-о-от, спросили. Он против. – указав на него рукой, сказала богиня Насте, – Но, понимаешь ли, в этом-то и вся соль наказания. Оно не должно доставлять удовольствия, а должно учить, что так поступать не хорошо и больше так делать не надо, иначе получишь по попе та-та. Ясно?

– Но вы же сказали, что после моей смерти он тоже должен покинуть этот мир...

– Естественно! Я же не мамка ему, чтобы каждую сотню лет за ним бегать! Не так ли? Сразу решим всё на месте и покончим с этим. – и нетерпеливо добавила, – Так, у меня всё готово. В принципе, можем начинать. Вы готовы? Нет? Ну и ладушки, тогда приступим.

С этими словами богиня подбросила один конец светящегося шнура в воздух, и повелительным жестом руки направила к волку. Шнур обвился вокруг его шеи. Акира забился как остервенелый, и взвыл, словно от сильной боли. Второй конец богиня бросила в сторону Насти. Тот зелёной змейй обвился вокруг запястья девушки и сжался, причиняя

нестерпимую жгучую боль.

– А-а-а-а-! – закричала Настя и от боли упала на колени.

Инстинктивно она попыталась второй рукой сорвать с себя его, но тот мёртвой хваткой впился и не отпускал.

Богиня, прикрыв глаза, снова начертила в воздухе какие-то невидимые символы, а затем громко произнесла:

– Да будет Воля Моя!

В тот же момент шнур натянулся, зашипел и растаял в воздухе, оставив на руке Насти чёрный витой след, похожий на татуировку. Боль тут же утихла.

– Ну вот, почти всё. Одели на пёсика строгий ошейник. И стоило так орать? – успокаивающе сказала Насте богиня, – Осталось только придать ему человеческую форму. Не станешь же ты по улицам с волком размером с корову ходить, правда, же? Оно тебе надо? Вот и я думаю, что нет.

– Может, лучше было бы его просто уменьшить?

– Нет, не лучше. В нём сидит большая сила. И если его уменьшить, то он... как бы это лучше выразиться... может взорваться. Бах! Как надутый бычий пузырь.

– Как воздушный шарик. – подсказала сидевшая на земле Настя.

– Точно! Вот видишь, всё-то ты понимаешь. К тому же, у любого бога кроме первозданного облика имеется ещё и человекоподобная форма. Так что, я сейчас его как бы просто вытряхну из домашней пижамки с тапочками в парадно-выходной костюм. Ему будет удобно, не переживай ты так.

Богиня снова начертила в воздухе знаки, резко взмахнула рукой и Акиру окружила плотная пелена тумана, напоминавшая кокон гусеницы. Затем он медленно поднялся в воздух и встал вертикально. Волка под ним в траве не было.

Через несколько мгновений он опустился обратно на землю и стал таять, открывая пристальным взорам симпатичного беловолосого юношу. На шее у него темнел точно такой же обхватывающий след-татуировка, как и у Насти на запястье.

Девушка густо покраснела и отвернулась: парень был абсолютно нагой. Заметив это, богиня, еле сдерживая смех, громко сказала кому-то:

– Эй, вы! Бестолочи! Одеть забыли! Ну-ка, быстро накиньте на него что-нибудь, пока у меня тут кое-кто в обморок со стыда не свалился!

Туман мигом сгустился, снова скрывая его, а когда вновь растаял, на юноше были одеты простые льняные штаны и длинная рубаха. Такие, наверное, носили лет триста назад.

– Вот лентяи! А про обувь всё равно забыли! – пробурчала богиня. – Ну и ладно, и так сойдёт. Чай не зима. В целом, неплохо получилось. Ты как считаешь, волк? Или как там тебя?

Юноша открыл глаза и злобно зыркнул на неё своими глубокими синими глазами. Зелёные пути его больше не сдерживали. Он только сделал один шаг в её направлении, как богиня его тут же предупредила:

– Даже и не думай ничего такого! Я тебе голову оторву

раньше, чем ты до меня дойти успеешь!

Акира нахмурился, но сделал второй шаг. Богиня подняла вверх руку, и в ней вспыхнул голубым огнём энергетический шар.

– Стой! Не надо! – крикнула Настя и тот замер с удивлённым выражением лица.

Довольная богиня ухмыльнулась, её план действовал как нельзя лучше.

– Неужели никак нельзя освободить Настю от этого зверя... – тихо сказала бабушка с такими обречёнными нотками в голосе, что богиня не удержалась и ответила:

– Конечно можно. На этом все магические договоры строятся. Только я не скажу как именно. Зачем мне это? Всегда читайте мелкий текст со звездочкой! – съёрничала она и, взмахнув рукой, добавила, – Всё, устала я от вас! Дорогие гости! А не загостились ли вы? Не пора бы вам домой?

И прежде, чем кто-либо из них успел ответить, всех окутал густой туман, а когда он рассеялся, их с поляны как корова языком слизала.

Из тени истуканов вышел темноволосый юноша с медово-жёлтыми глазами. Его левую бровь пересекал старый узкий шрам. Несмотря на лето, на его плечи был накинута плащ из чёрного волчьего меха.

Он подошёл сзади, обнял богиню и поцеловал её в шею. Она зажмурилась от удовольствия и замурчала, почти как кошка:

– М-м-м-м...

– Не пойму только, кого именно из них ты решила наказать? – развернув её лицом к себе, сказал он. – По-моему, девушке с ним придётся совсем туго.

– Пф-ф-ф! – весело фыркнула богиня, – Ты совершенно не разбираешься в женщинах! Вот посмотришь ещё, девчонка научит этого зверя хорошим манерам!

– А-а, – наигранно понимающим тоном протянул он, – ну, тогда мне жаль бедолагу. А не слишком ли жестоко? Всё-таки, это мой брат, как-никак!

Она легонько хлопнула его по руке и игриво надула губки:

– Ничего личного! Работа есть работа! Я же богиня, как-никак! – передразнила его интонацию.

– Хорошо, что я тоже бог, а то чувствую, пришлось бы и мне не сладко! – он крепче обнял её, прижимая к себе, – Ну, раз работа закончена, может быть, вернёмся назад в Божественные Чертоги?

– Ну, уж нет! – недовольно сказала богиня и оттолкнула его, – Там ужасно скучно! Я устала выслушивать вечное нытье и стоны старых богов о том, как раньше было здорово, не то, что теперь. Их вечный скулёж о том, что про них забыли, а ведь раньше как почитали, как почитали! Даже в жертву людей, бывало, приносили, и бла-бла-бла... Не хочу! Устала! К тому же, здесь, на земле намного интереснее. Сам успел убедиться.

– Ну... Львиная доля истины в их, как ты назвала, «ску-

леже» есть. Ведь и правда, что забыли и не почитают... – бог с печалью посмотрел на поросший мхом алтарь и заброшенное капище. Но увидев её упрямое выражение лица, и смирившись, вздохнул:

– Ох, ну что с тобой поделаешь! Хорошо, останемся здесь пока, на земле. Но! – тут же поставил он ей условие, – И здесь, в лесу, мы не останемся. Знаю я тебя, тут же начнёшь вмешиваться в жизнь смертных. А у нас на это мораторий введён, если ты не забыла.

– У-у-у... – разочарованно протянула богиня и расстроено надулась, как раз именно этим она и планировала заняться, – И куда же мы отправимся?

Бог на мгновение задумался.

– Может, поехали в Вегас? Я слышал, там Тессерис новое казино открыла, говорят, просто бомба... – предложил он.

Глаза богини загорелись, и она радостно запрыгала на месте, хлопая в ладоши:

– Да, да! Поехали!

– Только условие, без фанатизма, – предупредил её бог, – Не как в прошлый раз, почти половину горных залежей золота спустила на ветер.

– Подумаешь, у нас ещё полные горы драгоценных камней есть. И ты так говоришь – спустила! – как будто я там одна была!

– Каюсь, моя богиня, слаб. – примирительно сказал бог.

– Только условие! Сначала по магазинам! – поддразнила

она его, – Не босой же мне по Вегасу ходить.

Он страдальчески закатил глаза, да у неё уже половина Чертогов завалена туфлями и нарядами! Но всё же нехотя кивнул. Богиня взвизгнув, подпрыгнула на месте от радости как девчонка, захлопала в ладоши, и счастливая бросилась в тень истуканов. Бог улыбнулся:

«Как же всё-таки ей мало нужно для счастья.»

И, последовал было за ней, но неожиданно остановился, словно вспомнив что-то.

«Вот беспамятная! С Древним Богом-то она проблему решила, и рада. А лес? Кто тушить будет?»

Бог глянул в тень истуканов. Нет, не догнать. Она уже по Теневому коридору добралась до Божественных Чертогов.

«Ну что ж, придётся самому. В конце концов, частично это и моя вотчина тоже».

Вздыхнув, бог достал из-за пазухи маленькую простую дудочку и, поднеся её к губам, наиграл короткую мелодию.

В тот же миг перед ним появились маленькие туманные духи-поку, его посланники и слуги. Блестя маленькими чёрными глазками – пуговками они внимательно смотрели на своего хозяина:

– Какие приказания будут, господин?

– Приберитесь в лесу за Древним Богом. Да смотрите, хорошенько всё сделайте, чтобы даже следов не осталось! – сказал он и направился в тень истуканов, тихо бурча себе под нос:

– Чтобы у неё даже малейшего предлога не было улизнуть сюда из Вегаса. А то знаю я её... – и скрылся в Теневом портале.

Поку переглянулись, туманными облачками взмыли вверх и стремительно скрылись в лесу.

ГЛАВА 3

Туман рассеялся, и Настя обнаружила, что они оказались на самом краю деревни. Вот она, Ивантеевка, осталось только мостик перейти, да небольшое поле пересечь.

Домовой тут же принял своё «кошачье» обличье. Мало ли кто по дороге может встретиться? Да и тяжело ему было при свете дня вдали от домашних стен долго находиться в своём истинном обличье.

Бабушка бросила недовольный взгляд на внучку и, привычно заложив руки за спину, молча зашагала к мостику.

Настя посмотрела на Уосэ Камуи. Тот задумчиво смотрел в лес. Девушка невольно принялась рассматривать юношу.

Подаренные богиней штаны и рубаха свободно ниспадали по его стройной мускулистой фигуре, при этом под ними легко угадывались узкие бёдра, широкие мужественные плечи и сильная грудная клетка. На шее чёрной полосой ярко выделялся след от заклития, похожий на чёрную татуировку. Белоснежные волосы с каким-то еле уловимым голубоватым отблеском были достаточно длинны и почти касались плеч. А его глаза, имевшие глубокий синий цвет, словно майская безоблачная высь, сейчас в упор не мигая смотрели прямо на неё.

Девушка вздрогнула, застигнутая врасплох, густо покраснела и пробормотала, отводя глаза:

– Пойдём... те... Пойдёмте... господин Уосэ Камуи... – она не знала как обращаться в древнему божеству, даже если тот теперь был у неё в услужении.

– Акира. – сказал он и сложил руки, давая понять, что никуда идти не намерен.

– Что?.. – окончательно растерялась Настя.

– Меня зовут Акира, – повторил он ледяным тоном, – ударение на первое «А»,

– Настя. – представилась в ответ оробевшая девушка, – То есть, Анастасия.

– И так, Настя-то есть Анастасия, – произнёс он всё таким же холодным тоном, – мне, правда, жаль, вернее, очень-очень жаль, что я так сильно навредил тебе... вернее, почти убил тебя. – Акира тщательно подбирал слова, но Настя чувствовала растущее в нём раздражение, – Но, надеюсь, ты понимаешь, что я никуда с тобой не пойду и, естественно, ни о каком «услужении» и речи быть не может?

Девушка чуть не поперхнулась от удивления:

– Навредил?! Почти убил?! – задыхаясь от возмущения, перекивляла она его, – Да ты не почти, а именно убил меня! Если бы не помощь той богини, лежать бы мне сейчас холодным трупом!

– Вообще-то, я предупреждал тебя, чтобы не подходила ко мне! – уже не скрывая своей злости, прорычал он, – Но нет! Ты всё равно полезла, даже не имея никаких магических способностей! Так на какой ещё результат ты рассчитывала?!

Глупая девчонка!

Настя набрала было в грудь побольше воздуха, чтобы выдать ему в лицо ещё что-нибудь едкое и хлёткое по этому поводу, но всё то, что он сказал, было правдой: предупредил её, но она всё равно попыталась успокоить его, как это делала мама.

А потому, не найдясь, что ответить, зло прошипела ему:

– Ну и катись! Больно мне нужно твое «услужение»! – резко развернулась и зашагала к мостику, направляясь домой. Кот молча последовал за ней.

«Грубиян! Все симпатичные парни – моральные уроды! А оно и не удивительно, если даже древние божества такие!» – гневно думала она, перейдя реку и поворачивая через поле к деревне.

– Настя... – тихо окликнул её Кот.

– Ну, что ещё?! – сердито рявкнула она.

– Похоже, с ним что-то не то...

– Ну что там с ним опять может быть «не то»? – раздражённо буркнула она и обернулась.

Акира медленно переходил реку по мостику. Но делал это довольно странно: шатаясь, он одной держался за поручни, а второй за горло, и еле-еле переставляя подгибающиеся ноги, шипел, хрипел и гримасничал. Словно бы его кто-то тянул на аркане, а он изо всех своих сил упирался. Да, без сомнений, с ним опять что-то было не так.

«Ну, уж нет! Хватит! Больше я к нему и на пушечный вы-

стрел не подойду, ни с какой помощью!» – подумала Настя, а вслух Коту сказала:

– По-моему, с ним вполне полный порядок, идёт куда хочет и ни в какой помощи не нуждается. – она отвернулась и направилась дальше к деревне, изредка оглядываясь на Акиру.

Тот, наконец, преодолел мостик, и так же шатаясь, хрипя и гримасничая, двинулся к деревне.

– Интересно, и что ему понадобилось в деревне?.. – недовольно пробурчала себе под нос Настя.

– А?! Что?! Говори громче! Не слышу!

Девушка чуть не подпрыгнула от неожиданности. Появившаяся, как ни откуда, перед ней стояла щупленькая старушка с клюкой, держа козу на верёвке.

– Здравствуйте, баб Вер! – громко сказала ей Настя, – Что, опять Маруську к речке пастись ведёте?

– Да, туда-туда, родимую. А что это у тебя сарафан порван, и в крови, вроде? Случилось что? – бабка хоть и была глухой, зато обладала зорким глазом, как у снайпера.

– Ничего не случилось! Я от дедушки бегу! Домой! Переодеться! В сарае у него на гвоздь зацепилась и порвала! И не кровь это! Краска! – она показала рукой движение вверх-вниз, словно невидимую кисть держит, – Сарай он красит!

– Ага. Молодец, что старшим помогаешь. Ну, беги-беги, переодевайся. – баба Вера заметила острым взором Акиру и, потеряв к Насте всякий интерес, стремительно заковыляла к

новой жертве, таща за собой упирающуюся козу.

– Надо бы спасти парня... – тихо сказал Кот.

– Вот ещё! Сам прекрасно справится. – злорадно произнесла Настя, остановившись и сложив руки, приготовилась в полной мере насладиться предстоящим концертом.

– Здравствуй, милоч! А ты чей такой будешь? В гости, что ль к кому приехал? – мило улыбаясь, обратилась баба Вера к задыхающемуся Акире.

– С-с-с-с... – смог только просипеть он ей в ответ, крупный пот градом катился по его лицу.

– Глянь-ка! Как тебя на солнышке-то разморило! Вот что значит – городской!

– Ш-ш-ш-ш... – прошипел он.

– Да ты громче говори!!! Не слышу я!!! Годков десять уже, почитай, как не слышу!!! – проорала бабка ему в ухо, как будто он тоже был глухой.

Акира упал перед ней на колени и схватился обеими руками за подол её юбки:

– Кхи-и-и-и-и... – состроил ей гримасу.

– Ба! Да ты, никак, наркоман! – воскликнула поражённая баба Вера и принялась охаживать Акиру своей клюкой по спине, – Отпусти! Отпусти, наркоман проклятый! И откуда ты только взялся на мою голову?!

– Хр-р-р-р-р... – прохрипел он ей в ответ, но хватку не ослабил.

– Настя, надо спасти, а то убьёт его бабка-то! – забеспо-

коился Кот.

– Ничего и не уьёт. Так, чуток спесь счешет. – ответила она, с наслаждением наблюдая за происходящим действием.

– Настя! – укоризненно воскликнул Кот.

– Ох, ну ладно-ладно. Иду уже, иду! – и она бегом подбежала к разбушевавшейся старушке.

– Баб Вер! Баб Вер! – закричала Настя, хватаясь за её клюку, – Стой! Это он к нам приехал! Не наркоман он!

– Точно? – бабка недоверчиво посмотрела на Акиру, и тот, соглашаясь, активно закивал головой.

– А по-моему, наркоман наркоманом... – недовольно пробурчала старушка, опуская своё оружие, хотя настоящих наркоманов вживую никогда-то и не видела.

– Он – внук бабушкиной подруги! Не привык к свежему воздуху! Городской! Не местный! – громко сказала ей Настя, и уже тише, для Акиры, добавила – Да отцепись ты уже от неё! – и он тут же разжал руки, отпуская бабкин подол.

– Это-то да, в больших городах экология совсем плохая. Вот его и разморило, сердешнаго. – сказала баба Вера, обрадованная, что будет о чём вечером с бабками посудачить, – Ты его одного-то не оставляй пока ещё не обвыкся, а то погрёт ещё где-нибудь ненароком.

– Хорошо, баб Вер! Спасибо, баб Вер! – прокричала Настя, помогая уже приходившему в себя Акире подняться, – Ну, мы пойдём, баб Вер?

– А, ну идите-идите. – сказала довольная старушка, уже

предвкушая, как вечером будет рассказывать товаркам, что к знахарке Пелагее-то парня привезли, вроде, как внук подружки, а на самом-то деле, наркомана на лечение пристроили.

– Чуть не убила меня своей палкой, карга старая! – сказал уже полностью пришедший в себя Акира, когда они немного отошли от бойкой старушки подальше.

– А ты ничего не хочешь мне сказать? – спросила Настя.

– Что именно?

– Ну, «спасибо», например! – возмутилась она.

– Спасибо.

– Уже не надо! И что вообще на тебя нашло? Что это за концерт был?

– Сам не знаю. Шею вдруг сдавило, дышать стало не чем, и за тобой потянуло, как будто, кто-то на верёвке тащил...

– Я так понимаю, это одно из действий заклятия. – вмешался в разговор Кот, – Не сможет он далеко от тебя уйти.

– Ну, только этого мне ещё не хватало! И что? Мне теперь до конца дней с ним, как с привязанным ходить?! – недовольно воскликнула Настя.

– Вообще-то, я тоже от этого не в восторге! – огрызнулся Акира, – И это заклятие – полностью твоя вина! Если бы ты не вмешалась...

– Вообще-то, богиня собиралась тебя на колбасу пустить! – перебила его Настя, – И можно было бы хоть немного быть благодарным за то, что я именно и вмешалась! – и, уже успокаиваясь, добавила, – Она упомянула, что есть спо-

соб снять заклятие. А значит, вполне возможно что-нибудь может найтись в бабушкиных или маминых книгах по этому поводу. Предлагаю пойти ко мне домой и поискать. Снимем заклятие и разойдёмся, как в море корабли!

Настя повернулась, не дожидаясь ответа, и зашагала было к деревне, но обернувшись, обнаружила, что Акира мешкает.

– Ну что опять застыл-то? Баба Вера сейчас козу привяжет и обратно пойдёт. Опять хочешь с её клюшкой встретиться? – привела она ему весомый довод поторопиться и, отвернувшись, тихо хихикнула себе под нос – «Наркоман проклятый»!

Акира нехотя побрёл следом. Выбирать, действительно, не приходилось. Всё равно уйти от этой девчонки он далеко не мог, а так хоть был реальный шанс снять это заклятие. А может даже получится вернуть и память заодно.

* * *

Настя вошла на кухню, когда бабушка уже дочитывала письмо из посылки.

– Хаттори скоро приезжает. – и, увидев входящего следом Акиру, сердито спросила – А его-то зачем с собой притащила? Пусть бы шёл своей дорогой, он теперь не опасен.

– Я бы с радостью, да только не могу. – ответил Акира, осматривая их скромное жилище.

– Заклятие. Из-за него он не может далеко от меня уйти. –

пояснила Настя.

– Навлекла ты на нас беду, да чуть сама не погибла! – раздражённо воскликнула Пелагея Фёдоровна, полностью игнорируя Акиру, – Вот зачем ты схватила этот сосуд?!

Настя виновато молчала.

– Ладно, что случилось, то случилось, сделанного не воротишь... Символы, которые богиня использовала в заклинании, показались мне смутно знакомыми. Не могу только вспомнить, где я их видела... Видно, память уже подводит меня. – задумчиво проворчала бабушка, – Нужно посмотреть в книгах, может и найдётся что-нибудь. Но не сегодня. Сил я много потратила с коровой, да когда тебе кровь пыталась остановить. Мне нужно отдохнуть и восстановиться.

– Может, бабусь, всё-таки сегодня постарайся? – спросил Акира.

– Завтра, я сказала! – пригвоздила его тяжёлым взглядом бабушка, – И я тебе не «бабуся», а Пелагея Фёдоровна! Тоже мне, внучек выискался! Шли бы лучше во двор, да расстояние бы замерили, на какое «поводок» заклятия рассчитан, это хорошей подсказкой будет! Да только точнее меряйте.

Настя и Акира послушно вышли за дверь.

– Кот, останься! – окликнула бабушка последовавшего, было за ними, домового, – Пустое это, просто спровадить их нужно было. Что-то не хорошее заваривается вокруг нашей семьи, плохие у меня предчувствия. Хаттори ведь не просто так этот сосуд прислала, и сама собралась приехать. Ох, не

к добру всё это...

– А что в письме-то пишет? – спросил Кот, располагаясь возле открытой двери так, чтобы иметь возможность услышать, когда Акира и Настя будут возвращаться.

– Ерунду. Будто кто-то его украсть пытался, больше ничего ценного не взяли. Просит его спрятать понадежнее. Звучит только это не убедительно. Сам подумай, раз ничего другого взять не пытались, значит, воры не простые, из «наших». Простые воришки позарились бы на что-то более блестящее, чем древний кусок бамбука. И где в это время была её многочисленная армия фамильяров, спрашивается?

Ладно, предположим, воры были. Но посылка-то, ты посмотри, простым отправлением отправлена. Не ценным, не «лично в руки», а простым. Почему? Её же могли ещё в Японии легко перехватить по дороге, никаких скрывающих заклиний ни на коробке, ни на самом сосуде нет. И сама сюда, опять-таки, едет. Зачем? Воры же сразу поймут, что к чему. Нет, тут дело не чисто.

Эх, как жаль, что богиня этого волка не прихлопнула! Что вот теперь с ним делать? Как я Хаттори это всё объясню? Упс, извини, так вышло, что я нечаянно расколошматила твою семейную реликвию?!

А щит? Ты видел? Снова рассеялся... – знахарка нервно меряла шагами кухню.

– Не помогает щит уже, всё чаще и чаще рассеивается. Нужно что-то другое придумать. – ответил Кот, – К тому же,

совсем уже скоро Настя уедет учиться. Что тогда будет? Кто ей щит будет поддерживать? – и задумчиво добавил, – Может, оно и к лучшему, что рядом с ней теперь этот волк? Древний бог, как-никак...

– Не говори ерунды! – зло зашипела на него Пелагея Фёдоровна, – Да она для него как рюмка водки для алкаша! Он её одним глотком проглотит и не подавится! Избавляться от него нужно, и чем скорее, тем лучше!

– Нужно, но как? Может, как раз твоя подруга подскажет? – подал идею Кот.

– А может, и сможет... – задумчиво произнесла знахарка, – И щит нужно будет сегодня заново поставить. Сможешь сделать так, чтобы этот волк пронюхать ничего не смог?

– Хм... – Кот задумался и по-кошачьи почесался задней лапой за ухом, – Может, его в баньке попарить?.. Добрых молодцев же принято поить-кормить, да в баньках парить. А уж там я его так «напою-накормлю» до бессознательного состояния, что он даже свой нос видеть будет не способен.

– Что ж, добро. – согласилась Пелагея Фёдоровна, – Топи баню.

– Всё, тс-с! Идут! – резко прервал разговор Кот, услышав звук приближающихся шагов.

– Около десяти-пятнадцати метров будет. – сказала входящая Настя, – Но это не точно. Несколько раз перемеряли и каждый раз разный результат. Скорее всего, длина «поводка» зависит от того, сколько раз подряд за определённое вре-

мя он срабатывал. Думаю, чем чаще, тем короче.

В дверном проёме показался шатающийся Акира. Воздух с сипом и хрипами вырывался из его груди, пот ручьями струился по лицу.

– Кхи-и-и... Хи-и-и... Воды-ы-ы... – просипел он.

– О да, извини. – спохватилась Настя, быстро налила в кружку воды и подала задыхающемуся парню.

Тот залпом выпил её и, переводя дух, спросил:

– Ну? И что это даёт?

– А то, что заклятие слишком мудрёное. – сказала знахарка, – Придётся тебе... погостить здесь некоторое время, пока я не пойму как снять его. Настя, покажи ему отцовскую комнату. – и, заметив протестующий взгляд девушки, пояснила, – Это самая ближайшая комната к твоей. Не в собачью же будку на улице его селить, ей-богу, да и «поводок» заклятия не позволит. А после этого, – обратилась она уже к Акире, – сходи-ка ты, попарься в баньку, а то весь потный и грязный. Кот тебе покажет там, что к чему.

– Пойдём. – буркнула Настя Акире, – покажу тебе... дом.

Она провела его в другую дверь, которая соединяла кухню напрямую с остальным домом. Пройдя через небольшую комнату с русской печкой и дверью, ведущей в сени, они вошли в просторную гостиную, в которой по лестнице поднялись на второй этаж с узким коридорчиком и пятью дверьми.

– Дверь слева от лестницы – это бабушкина комната. – сказала Настя, – Справа – это моя спальня, а рядом с ней

– комната моей младшей сестры Василисы. Другие комнаты пустуют. Вот эта, напротив моей, была родительская спальня. После смерти мамы в ней жил отец, но сейчас он редко приезжает. Поэтому поживёшь пока в ней.

– А та, оставшаяся чья? – спросил Акира.

– Скорее всего, родители не планировали останавливаться на втором ребёнке, когда строили этот дом... – ответила она, распахивая перед ним дверь в комнату, в которой ему предстояло «погостить некоторое время», – Замок в этом доме ни на одной из дверей нет, просто прикрывай её, если хочешь, чтобы тебя не беспокоили. Ну, в общем-то, и всё. Располагайся. – и выходя из комнаты, добавила – Ах, да. Туалет на первом этаже, в сенях, дверь слева. Там же душ, где можно помыться.

– Если там можно помыться, значит, это и есть баня? – спросил он.

Она невольно улыбнулась: ей вспомнились все негативные отзывы из интернета от иностранцев об «этой жаркой пыточной камере, именуемой русскими «банька». И предстоящее знакомство Акиры с ней, показалось Насте забавным.

– Нет. Баня находится во дворе, отдельное небольшое здание. Это такая древняя русская традиция, парить почётных гостей в бане. Кот, как дух-хозяин этого дома, скорее всего, хочет оказать тебе особый приём. Так сказать, проявить традиционное гостеприимство. – а чтобы будущая жертва «бан-

ного беспредела» не отказалась, и соскочила с крючка, добавила с очень серьёзным выражением лица, – Отказаться никак нельзя. Обидится смертельно. Раньше, оскорбление в виде отказа париться в бане смывалось только кровью.

Акира помнил, как выглядел Кот в демоническом облике в том сарае. Это достаточно сильный дух и наживать в его лице врага сейчас, когда он слаб, было бы по меньшей мере глупо.

– Ну что ж, пусть будет баня. – согласился он.

– Ты пока располагайся, – произнесла довольная Настя, – а я пока пойду, переоденусь. Думаю, как баня будет готова, Кот тебе сообщит.

Как только девушка ушла, Акира осмотрелся. Комната была средних размеров, как и весь дом, отделана светлым деревом. Потолок снижался по направлению от двери к противоположной стене, видимо из-за того, что спальни сделали прямо под крышей. В него было встроено достаточно большое окно. Акира подошёл и открыл его, впуская в душное пространство поток свежего воздуха.

Слева от двери стояла большая кровать с тумбочками, а справа, торцом к двери не большой письменный стол и простой стул. В дальнем углу комнаты располагался встроенный шкаф с зеркалом в дверце во весь рост. Акира подошёл к кровати и сел. Мягко. Он откинулся на неё и устало прикрыл рукой глаза, расслабляя уставшие мышцы и почти мгновенно проваливаясь в сон.

* * *

Настя вошла в свою спальню и, прикрыв за собой дверь, подошла к зеркалу. Критично осмотрев свой сарафан, пришла к выводу, что починке он уже не подлежит. Открыла шкаф и принялась искать, чем же его можно было бы заменить. Выбор был не велик. Школьная форма, джинсы, из этой же ткани бриджи, пара футболок и маек – вот и весь её не хитрый гардероб, если не считать зимнюю и верхнюю одежду.

Ах, нет. Ещё у неё было «будущее» выпускное платье, которое она шила ко дню окончания школы. Что-то добавляла в него под влиянием моды, что-то убирая, потому что эти детали начинали ей казаться слишком «детскими». А кое-где приходилось и расставлять, её формы женственно округлялись день ото дня и в этих местах оно становилось узковато.

Но до выпускного вечера было ещё как до Москвы пешком и обратно, поэтому платье оставалось пока только смётанным, ожидая наступления дня «Х», когда Настя окончательно внесёт в него последние штрихи и положит под иглу своей швейной машинки. И этот день должен был наступить ещё совсем не скоро, через год.

За отсутствием выбора, Настя одела джинсовые бриджи и бордовую майку. Жарковато, конечно, будет в этом наряде, но что поделать, возможности сшить себе новый лёгкий сарафан у неё не было, как и купить что-нибудь. Она пере-

оделась и с сожалением посмотрела на испорченную вещь: выбрасывать было жалко.

Можно было бы, конечно, сшить что-нибудь из него Василисе, юбочку например. Но в отличие от неё, младшая сестрёнка имела стойкую аллергию на платья и юбки, предпочитая им шорты и штаны, в которых было удобно бегать по деревенским улочкам с мальчишками.

Неожиданно запястье Насти, где был след от заклятия, сильно сдавило. В висках застучала пульсирующая боль, а в ушах зашумело, словно множество голосов заговорили одновременно.

«Извини... Извини... Извини... Извини...»

В глазах у девушки потемнело, и от боли она осела на пол. Голоса продолжали звучать, становясь всё явственнее и разборчивее.

«Извини... Извини?... Извини!.. Извини...»

Мужские, женские, разных возрастов и тональностей, все они с разными эмоциями произносили только одно это слово.

Настя очень остро, до тошноты, почувствовала такую большую горечь утраты, словно бы она лишилась чего-то ценного, очень важного в своей жизни.

«Извини... Извини!.. Извини?... Извини...»

Она закрыла руками уши и замотала головой, лишь бы только не слышать их. Пусть замолчат! Пусть они замолчат! Головная боль была невыносимой.

– Настя! Настя! – кто-то тряс её за плечо.

Голоса смолкли, и боль сразу отступила, словно из тисков выпуская её голову.

–Настя! Почему ты кричала? – она обернулась и увидела Кота в боевой демонической форме.

Позади, в дверном проёме комнаты, прислонившись к косяку, стоял Акира с горящими от злости глазами и с покрытым испариной лбом.

– Я не знаю... – ответила она.

– У тебя кровь из носа течёт! Что произошло? – снова спросил Кот.

– Я не знаю...

–Что ты сделала?! – яростно рявкнул Акира, – «Поводок» снова сработал! Не просто же так! Ты точно что-то делала!

– Я не знаю! Я ничего не делала! – закричала ему в ответ Настя и от обиды из её глаз хлынули слёзы. Девушка уткнулась в грудь домового и разревелась:

– Я переодевалась... затем боль... и-и-и... голоса в голове... и-и-и... будто я что-то потеряла... что-то... ужасно! Это было так ужасно! Я правда... и-и-и... ничего не делала-а-а...

Домовой осторожно, чтобы не поранить её своими когтями-кинжалами, нежно погладил Настю по голове:

– Не плачь... Я верю тебе, не плачь...

– Это... мне только что снилось... – удивлённо произнёс Акира.

Хлюпающая носом Настя и Кот одновременно уставились на него.

– Я ненадолго задремал, – пояснил он, – и мне приснилось... Не знаю, кошмар, наверное. И в нём было всё, что ты описала: тьма, голоса, боль...

– Так... Хм... – задумчиво произнёс Кот, – скорее всего, это ещё одна особенность заклѣтия. Всё, что чувствуешь ты, передаётся Насте. – как ниоткуда, домово́й достал носовой платок и подал его заплаканной девушке.

– Да? Но почему тогда «поводок» сработал? – спросил Акира.

– Ты забыл, что богиня обязала тебя этим заклѣтием делать? – произнёс домово́й, возвращаясь в свою кошачью форму, – Правильно, служить. Заклѣтие «хозяин-слуга». «Слуга» не может покинуть своего «хозяина». А «хозяин» чувствует то же, что чувствует «слуга». Но что если эти эмоции не сильны для «хозяина»? До адской боли, до кровотечения из носа? То тут здоровью «хозяина» угрожает реальная опасность и требуется помощь. А теперь, внимание, вопрос. – сказал Кот, выходя из комнаты мимо Акиры, – Что должен делать «слуга», когда «хозяину» грозит опасность? – и, не дожидаясь ответа, удалился прочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.